

фантастическая
история

МОСКВА, 2015

фантастическая
история

Николай Берг

Леха

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б48

Серия основана в 2010 году
Выпуск 106

Берг Н.

Б48 Леха: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 599 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1998-2

Большая часть попаданцев в прошлое знает, что творилось тогда, до минуты, и они легко в управленческом ремесле превосходят Рузвельта, Черчилля и Сталина, вместе взятых, а как полководцы переплываю-ют и Жукова и Гудериана, даже не вспотев. Попутно блестяще умея владеть и пулеметом, и мечом, и магией до кучи.

Обыкновенному парню Лехе в этом плане не повезло: истории он не знает, полки водить не пробовал, даже толком драться не умеет. Все, что ему известно о войне, — это немного информации из игры «Ворлд оф танкс» (да и кому по большому счету интересно то, что было дав-ным-давно?).

Но каково же придется менеджеру, попавшему в 41-й? В тот год, когда в страшной мясорубке войны за день погибали десятки тысяч лю-дей!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Николай Берг, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1998-2

В год в РФ без вести пропадают более ста тысяч человек. Из них находятся позже в живом или мертвом виде четверть этого количества. Остальные пропадают бесследно.

Боец Семенов

После того как Семенов аккуратно выщипал несколько пучков травы прямо перед собой, расчистив сектор обстрела, оставалось только ждать. Место он выбрал лучшее из возможного — ровный кустарничек, в котором он залег, не давал возможности сразу отметить ближайший ориентир, значит, стрелять по нему будут вразнобой, каждый сам по себе, а это куда лучше, чем пальба залпом по команде унтера, или кто там у них старший. Прогалина просеки давала возможность начать огонь метров с четырехсот, что для пулемета было в самый раз, а вот винтовкам или тем более немецким автоматам было делать нечего на таком расстоянии. Поляна, на краю которой устроился Семенов, не дала бы незаметно вылезти сбоку, то есть в общем место было хорошим.

Теперь — только ждать. Спокойно, привычно. Собака лаяла редко, нетерпеливо и давала таким образом прикидывать, где сейчас прутся преследователи. По лаю получалось — отсюда еще километра два, минут пятнадцать-двадцать точно есть. Конечно, с Лехой на пару было бы веселее, но что случилось, то случилось, Семенов остался один и точно знал: рассчитывать больше не на кого — только на себя самого. Угрызения совести Семенова не мучили — что вышло, то вышло, — а такое дело, как война, любое чувство вины притупляет, некогда тут переживать по поводу, что остался один. Вот избавляться от хвоста надо было, по возможности самому не сдохнуть и тех, кто сейчас поспешал по лесу, уходя от наседавшей погони и уволаскивая носилки с раненым, прикрыть достойно.

Да и все равно Леха городской, суетливый, ждать спокойно и неподвижно не смог бы, вон как его от комаров местных крючило. Не, толку бы не было с Лехи в засаде.

Семенов тихо сдул с носа особенно наглое насекомое, еще раз прикинул, как и куда будет отходить. Вроде все в порядке, есть и куда, и как. Только вот преследователи идут как по нитке, собачонка у них грамотная и даже высыпанным табаком (ох как жалко сыпать было, до слез и щипания в носу, последний ведь!) ее не то что остановить, а даже задержать не вышло. Пропал табак зря. Значит, собачку с поводырем надо первой к Духонину в штаб пускать, как говаривал папаша Семенова. Вот еще бы знать, сколько там немцев всего будет, с собакой-то за компанию. Верно, с десятков, не меньше. Значит, надо их частью хотя бы покалечить, чтобы вместо погони пришлось бы уцелевшим своих раненых обратно волочь, чтоб не до погони им стало. И это все, конечно, верно и правильно, и даже машина подходящая есть для этого — трофейный тяжеленный черный ручной пулемет с воткнутым сверху плоским коробчатым магазином и громким названием «Хателлераульт Мле»¹, как прочел не без труда надпись на нем самый грамотный среди окруженцев. Только беда в том, что во вставленном магазине двадцать пять патронов да во втором — еще восемь. И все, больше нету, и патроны такие закавыкистые, что ничего из бывшего у окруженцев в наличии совсем не подходило — ни немецкие патроны, ни наши. Вот, значит, на все про все получалось тридцать три патрона. Очень негусто, прямо можно сказать. Потому надо перед тем, как что-то сделать — не семь раз отмерить, а поболее — раз с десяток. Ведь без патронов этот злобного вида пулемет, сторожко стоящий на сошках, становился вычурным куском железа, бесполезным в хозяйстве. А на тяжеленный «парабеллум», которым Семенов так удачно разжился, рассчитывать было и совсем глупо — с теми тремя патронами, что в нем были, только застрелиться можно. Не боле.

Если бы не приближающееся редкое в্লাивание — совсем бы картинка была хороша: кустики давали тенек, солнце не пекло и поляна была замечательная. Покос бы тут был в самый раз, коровы такую траву любят и сено получается стоящее... Тут Семенов одернул себя — расслабляться было не время. Мало ли что: может, эти гансы — ребята сообразительные и выпустили боковые дозоры вперед, чтоб собаку прикрыть. Сам Семенов так бы и сделал, если б гнался за кем. Потому он и слушал и смотрел как можно внимательнее. Просека тут проходила по невысокому холму, и Семенов при отходе постарал-

¹ Chatellerault Mle (правильно произносится — «Шательро Мле») — французский пулемет кал. 7,5 мм. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ся пройти так, чтобы преследователи, идя по его следу, хорошо и удобно встали бы под очередь.

Когда вдали, на взгорке просеки, показались темные малюсенькие фигурки, Семенов с облегчением вздохнул. Впереди поспешали четыре фигурки, одна явно на четырех ногах, черноватая какая-то; та самая собаченция. Когда они приблизились, с отрывом метров в сто за ними гуськом стали показываться еще фигурки, разномастные какие-то. Собаку уже можно было разглядеть, черно-коричневая, узкомордая. Семенов видал такую, видал у энкавэдэшника одного в соседнем райотделе милиции. Порода еще называлась странно — доберман-пинчер. А пес был злющий, ничего доброго, его хозяин все время на поводке водил. Хозяин-то был ничего, следовательно работал и очень любил рассказывать про своего пса всякие анекдоты. Юмора этого Семенов не понимал, потому, наверное, и запомнил дурацкие анекдоты накрепко и никак из головы эту ерунду было не вытряхнуть. Вот и сейчас, поглядывая на собаку, идущую уверенно по его следу, совершенно неуместно вспомнилось: встречаются во дворе два пса, один горделиво представляется: «Я — доберман-пинчер!» А другой пристыженно признается: «А я — просто пописать...»

Мысленно Семенов плюнул и присмотрелся повнимательнее к целям — сейчас вся эта публика была для него не более чем мишенями. Впереди шла собака, носом в землю, почти скрываясь в густой траве, следом поспешал странновато одетый жохатый, что-то в его форме было не так, хотя явно же немецкая. Но цвет непривычен. Не видел такое раньше. Тут же — явно охраняя поводыря с собакой — шли уступом еще двое. И один из них крайне не понравился Семенову. Долговязый-то — так, фундель городской, ясно видно, а вот этот кряжистый мужичок в кепи с длинным козырьком двигался неприятно — мягко, быстро и уверенно. Не особо и глядя под ноги. Но не запинаясь при этом. Словно по паркету скользил. Видел Семенов на экскурсии во дворец, какая гладкая вещь — паркет. И цепко мужичок в кепи оглядывался по сторонам — тоже это не понравилось Семенову. Опытный гад, матерый, наплачешься с таким. Хваткий сукин сын. Вот те, что уже вытянулись вереницей и спускаются по склону гуськом — те отличная групповая мишень и сейчас будут аккуратно на дистанции четыреста метров, — как только можно будет различить шагающие ноги, так, значит, можно стрелять. Грех по такой куче идиотов не отстреляться!

Приклад у «Хателлераульта Мле» был не очень удобен, но

теперь Семенов крепко вжал его в плечо, приладился, старательно прицелился, еще раз попробовал пальцами спусковые крючки, чтобы не ошибиться. В пулемете этом дурацком было их два, как на охотничьих двустволках, только первый давал одиночную стрельбу, а второй — автоматическую. Вот на втором, заднем, сейчас палец и устроился поудобнее. Вздох, выверка прицела и, сказав мысленно по привычке: «Господи, благослови!», Семенов потянул спуск, выдав длинную очередь на полмагазина. Приклад заколотил в плечо, но Семенов был к этому готов, и все прошло, как при стрельбе с «дегтяря», тем более что на этом «Хателлераульте Мле» была удобная пистолетная рукоятка, помогавшая гасить отдачу.

Холодком секанула мысль, что промазал, но тут же накатила радость — даже не глядя на рассыпавшихся по взгорку преследователей, только по дикому визгу ясно — зацепил. Да еще хорошо зацепил — то ли в живот, то ли в таз. Так сержант Парамонов выл, когда ему попала очередь в низ живота. Значит, и этот раненый теперь не вояка, а если его приятели не последняя сволочь — тянуть его придется четверым самое малое. Но, похоже, не одного удалось зацепить, как они там кинулись в траву — видно было, что не одного. Явно была видна еще фигурка, оставшаяся стоять, хотя все залегли, а потом косо завалившаяся как срубленное дерево. На всякий случай Семенов добавил туда еще пару коротких очередей и переключил все внимание на группку с собакой. Сама собака от выстрелов заплясала на дыбках, ее вожатый растерянно стоял столбом, рядом с ним, встав на колено, принялся стрелять горожанин. А вот коренастый мужичок исчез, и это больше всего Семенову не понравилось. Пора было сматываться. Перекинул палец на передний спуск и с третьего выстрела свалил собаковод, так и стоявшего нелепым столбиком, на прыгающую собаку потратил еще четыре, в ответ получил с десятков свистнувших по кустам пуль из винтовок, потом кто-то умный затеял лупить со взгорка из автомата — ага, на такой дистанции он бы и в амбар не попал.

Стрельба разгоралась, но рядом в опасной близости ширкнула только одна пулька. Значит, не поняли, откуда лупил, набум святых пуляют, обормоты. Отполз в сторону, прислушиваясь напряженно, потом, пригнувшись, метнулся в лес, опять залег. Отщелкнул практически пустой магазин, глянул мельком — два латунных патрона еще оставалось... Не глядя — все-таки насобачился уже, не зря тренировался — выщелкнул оба патрона, сунул пустой магазин за ремешок и так же на

ощупь впихнул патроны во второй магазин. Не получилось сразу примкнуть магазин, пришлось на секунду отвести взгляд, а когда поднял глаза — вздрогнул: коренастый в кепи, бесшумно возникший совсем рядом — сажень в десяти, отреагировал на тихий щелчок вставшего на место магазина ментально.

Он тут же выстрелил из винтовки, — Семенову ожгло левое ухо, — сместился рывком в сторону и залег за земляным холмиком. Лязгнул затвор немецкой винтовки, но и Семенов был не пальцем делан, потому как сразу вдул в холмик очередь, так что комья земли полетели, и дернул вбок, влево: толковал еще на «срочке» сержант, что стрелку вправо винтовку поворачивать неудобнее, чем влево, и Семенов это накрепко запомнил. Еще не видя врага, он добавил до донца магазина туда, где мужик коренастый залег, сместился еще в сторону, бросив бесполезный уже пулемет и дергая из кобуры тяжелый «парабеллум», но то, как странно дрыгал ногами лежащий немец, успокоило. Не повезло гансу — маловат был бугорок и не защитил от пуль, пробили они слой земли и достали лежащего. Времени у Семенова уже не было вовсе, но тикать просто так не хотелось. Потому перевернув еще шевелившегося, хрипящего и булькающего немца на спину, Семенов шустро расщелкнул тускло-серую пряжку с надписью «Готт мит унс»¹, и рывком сдернул с лежащего всю сбрую с наплечными ремнями и навешенными разными штуковинами. Подхватил винтовку — странно коротенькую, легонькую после пулемета, закрыл открытый затвор, загнав медный патрон в ствол, и почувствовал себя куда лучше — снова с оружием. Что-то горячее текло по шее, саднило ухо, тронул рукой — мокро и липко, ухо какое-то неправильное стало, и больно. Вот незадача, так не ко времени, а перевязываться и нечем и некогда! Но так бежать, роняя капли крови, совсем не умно.

Суетливо осмотрелся, потом дернул с шеи немца шелковый платочек (пионер, мля!), подхватил валявшееся кверху донцем кепи, прижал платочек в пораненному уху и придавил все это кепкой, чуток маловатой, зато теперь кровь капать точно не будет. Прислушался: стрельба усилилась. Но щелчков пуль рядом не было. Быстро подобрал валявшийся пулемет и спешно, но сторожко двинул прочь от поля сражения. Черт их знает, может, таких спецов, как коренастый, у них несколько, глупо

¹ «Gott mit uns» (нем. «Бог с нами») — девиз на пряжке солдатского ремня в вермахте.

погибать вот так. Свою задачу Семенов уверенно посчитал выполненной, собаку он искалечил, а может, и убил, самое малое трое раненых у гансов, все тяжелые, так что преследовать им теперь нечем. А лес большой, ищи-свищи. По дороге остановился на несколько секунд, пихнув в грудь валежника отслуживший свое «Хателлераульт Мле» и испытав короткую жалость, что приходится бросать неплохо поработавшее сегодня оружие.

Для Семенова теперь, после удачного дела, это было уже существо с душой, а не просто тупая железяка. Но без патронов таскать его было бесполезно, разве что место запомнить, вдруг случится вернуться. Накинул немецкую сбрую, приладил поудобнее, вытянул тяжелую алюминиевую флягу, свинтил крышку, понюхал, потом приложился.

Нет, не ошибся, опытный был вояка подстреленный ганс — подкисленная водичка во фляжке, самое то было глотнуть пересохшим ртом. Послушал лес, все еще слышную нелепую и бесполезную пальбу и двинул дальше, периодически путая следы, по дороге внимательно поглядывая по сторонам и проверив, сколько патронов в винтовке. Оказалось — четыре. Сносно, тем паче в подсумках оказалось еще с десятков обойм.

Менеджер Леха

То, что дринк-тест провален, Леха понял довольно быстро. Достаточно было просто открыть глаза, чтобы это понять со всей ясностью. С утра Леха должен был быть на тренинге по коммуникативности, а вместо этого он лежал, свернувшись клубочком в кустах, все мышцы одеревенели, да еще и замерз впридачу, как собака. Немудрено замерзнуть-то было — раньше ему не доводилось спать на природе, на голой земле (ну не совсем голой, какая-никакая травка тут росла), да притом будучи одетым по дресс-коду, что определил генеральный на вчерашнюю пати — цветастые Т-шirts¹, шорты и шлепанцы, для создания бич-стайла²... Чушь свинячья, если честно, да и сам генеральный — та еще скотина, какой к черту бич-стайл на берегу какого-то озера в этой Белоруссии... Или это Украина? Черт его разберет, приспичило начальству собирать для тим-билдинга кучу народу не пойми где. Зажлобилось начальство, другие вон такие тренинги в Египте проводят, а не в заднице мира, как охарактеризовал это местечко сосед Лехи по

¹ Т-shirt — футболка (англ.).

² Beach style — «пляжный стиль» (англ.).

офису Валерка. В общем — все плохо, как ни крути. Сейчас еще надо искать, где все остальные, вылезать под общий хохот на обозрение. Генеральный-то сам ржать будет как конь, ну а остальные кинутся на подхват, ясен пень. Позоруха, да и баллы штрафные как с куста...

А поговаривали, что отдел будут сокращать... И вроде ж не пил очень много, а развезло непривычно. Леха за свои двадцать три года, случилось, и напивался, но не так, чтоб в отключку и на улице дрыхнуть. Нет, что-то тут не так; видно, выставленное вчера виски было неправильным... И ведь предупреждал сосед Валерка, что генеральный сотрудников любит подпайвать и что надо быть на стреме... Подпойт и смотрит: кто, чего и как. Дринк-тест, будь оно все неладно. Мало того что на работе гнобят, так еще и тут... И бухнуть-то спокойно нельзя. Да, к слову, и Валерик — тот еще фрукт. Не зря вчера подливал, очень может быть — неспроста. Если б еще не гудела непривычно башка да тело так не ломило...

Леха с омерзением сплюнул, получилось фигово — клейкая длинная слюна чуть не уделала футболку, как-то удалось вернуться. Во круто — вылезти похмельным и оплеванным; дальше ехать некуда.

А начиналась эта долбаная пати очень даже неплохо: и генеральному на глаза удалось попасться пару раз удачно и даже чокнуться с ним пластиковым стаканчиком, и с девчонками из соседнего отдела Валерка наконец познакомил; зачетные девчонки, на них Леха давно глаз положил. Но только глаз: так уж получалось, что в свои годы Леха еще был девственником и с девчонками как-то у него не срасталось; вроде и не дурак, и так внешне ничего, и не то что робел или как-то иначе, но все равно не получалось. Не — всякие петтинги-митинги несколько раз были, но не более чем. И не то чтобы на девчонок не тянуло, но как-то так, не сильно. Может, сидячая работа в офисе или куча общения «вконтакте», может, компьютеры, а может, и что еще, но как-то все не сходилось. А вчера Леха раздухарился, завелся, почувствовал драйв и как-то само собой познакомился, с Валеркиной помощью, сразу с двумя красотками из отдела маркетинга. Они обе были светло-русые, подтянутые, с отличными фигурками, только Лилька позадумчивее и грудастее, а Танька — смешливая и похудее, но и у нее и ножки и сиськи были о-го-го! Валерка с Танькой раньше уже перепихнулся, но девчонка была легкомысленная, и это Валерку отпугнуло, а Лилька, как верная подруга Таньки, всякие поползновения Валерки отвергала с негодованием. Валерик так и

предупредил, что если перепихнуться сразу же и потом несколько раз — то надо окучивать Таньку, а вот если серьезно — то Лильку, и никак иначе: девки дружат крепко, возможно, даже и лесбиянят, не исключено такое... В общем, дело шло отлично, правда, Леха до конца не решил еще, кого из красоток выбрать для дальнейшей охоты, но был фан и драйв и все шло отлично, девчонки завлекающе смеялись, сверкали глазами, Леха был в ударе...

Так, а что дальше-то было? Леха с трудом припомнил, что он пошел за допингом для всей компании — к ним еще из бухгалтерии пара телок присоединилась и этот, долговязый креативщик из отдела дизайна с бородатым сисадмином... Нет, допинг он не донес. Даже не дошел до стойки... Точно, не дошел. Леха отчетливо вспомнил, что у кабинок биотуалетов тусовалась кучка озабоченных, вспомнил, что ему так тусить с постной рожей не захотелось — ну какой герой-любовник будет сиротливо маячить в очереди в сортир! — потому он по дороге за выпивкой и орешками невзначай свернул в эти проклятушие кусты, бормоча под нос не пойми откуда запомнившееся: «Снова манит меня, заставляет куда-то бежать проклятое пиво!»

Пиво тут было ни при чем, пиво как раз пили в автобусе, на котором их коллектив прибыл в эту глушь, но присловье было хорошо, Валерке тоже нравилось, вот Леха его и пользовал к месту и не к месту, нельзя сказать, чтоб был Леха очень уж веселым юмористом. Так, а что там было в кустах? Что-то еще запомнилось или нет? Запомнилось — когда он залез поглубже, путаясь в ветках и сделал свои маленькие, но важные дела, рядом с собой Леха увидел маленький огонек — ну вот как светлячок из детства, только те были зеленые, а этот огонек был мерцающим желтым — от лимонного до оранжевого и висел практически неподвижно. Еще подумал: «Принесу телкам, а там видно будет. Пожалуй, все же Танька! Хотя у Лильки такое декольте... И соски через купальник торчат!»

И вот на этом все воспоминание заканчивалось. Вроде как он этого светляка все же цапнул. Ну не светляк же его так оглушил? Ладно, надо выбирать. Можно подсуетиться и попасть на перерыв, может, это проскочит? Все-таки генеральный не всех сотрудников всех филиалов в лицо помнит, может, и удастся тихо подсесть в задний ряд, как будто тут и был? Времени-то сколько сейчас?

Айфон не порадовал. Получалось, что на два часа уже опоздание, тут уже точно переписали всех на тренинге. Ладно, все

равно выбираться из кустов придется. Вот вопрос — куда? Леха прислушался, но ни черта слышно не было — лагерь же вроде б должен быть рядом, хотя если все на тренинге, то перед генеральным никто не пошумит. Валерику позвонить не выйдет: айфон исправно сообщал две новости — и обе неприятные — связи нет и зарядка вот-вот закончится. Здорово! Этот захолустный городишко с украинско-белорусским окончанием на «о» не подкачал.

Леха выругался и, стараясь, чтобы гудевшая голова не слишком раскачивалась из стороны в сторону, побрел туда, где вроде бы был просвет среди этого чертова кустарника. Когда выдрался из проклятых кустов, понял, что не туда вылез — проселочная дорога тут имелась, озерцо тоже, а вот здоровенного лагеря и следов не было, даже тех же бутылок пластиковых и всяких упаковок, словно кто специально берег выдраил, как тысяча китайцев. Пошлепал по песочку вдоль берега, сколько глаза хватало — никаких признаков людей. Тишина почти полная, только комарье звенит, да здоровенные такие, заразы. Ну ваще!

Оставалось только идти по этой дорожке, она-то всяко куда-нибудь приведет, а там договориться, чтобы подбросили до лагеря... Работу свою Леха не любил, зарплатой был недоволен, но вот так глупо с ней расстаться тоже не хотелось. Опять же обедом должны были покормить, с завтраком-то он уже пролетел, как фанера над Парижем.

Идти в пляжных шлепанцах было неудобно, дорога была в лужах и глубоких колдобинах. Леха шел и чертыхался. По-прежнему вокруг не было ни души: хоть бы какой пейзажин на мотоцикле попался — так нет, тихо вокруг. Разве что вот комары стараются изо всех сил. И мухи откуда-то взялись — здоровенные, наглые, изумрудно-зеленые и синие, блестящие, словно китайские игрушки. И запахом каким-то потянуло. Сладковатым, но неприятным. Что-то с этим запахом было связано. Не сейчас, в детстве вроде... Помойка? Нет, не то. Леха покрутил носом, прошел еще полста метров и ахнул — за поворотом эта убогая дорога, если ее можно было так назвать, наконец вылезала из кустов на более-менее ровное пространство, и теплый ветерок именно отсюда тянул гадостный запах, который тут стал гуще, и Леха отлично увидел — откуда и чем пахнет.

Прямо у дороги торчал непонятный буро-черно-белый бугор, поодаль из травы так же холмились чем-то похожие бугры той же расцветки. Скорее удивившись, чем ужаснувшись, Леха

вдруг понял, что это валяется и воняет падалью здоровенная коровья туша. И дальше — тоже дохлые коровы, и их тут не меньше двух десятков. И ладно бы просто дохлые коровы, мало ли — может, их с ближайшей фермы сюда приволокли... Но с этими было все очень неладно — распотрошена была ближайшая туша совершенно зверски, валялась в луже кровищи, и из вздутого брюха вывалились сизые и зеленоватые кишки. Бурые пятна крови так же пятнали и соседние туши. Радостные мухи жужжали на манер нескольких генераторов — столько их тут было! — и оторопелый Леха, содрогаясь от брезгливости, злобно отмахивался от тех, что садились на него.

Отшлепав подальше от лежащей почти на дороге коровы, Леха наконец-то ужаснулся, потому что до него доперло, что запросто так убивать стадо коров никто не будет. Одна за другой в голове пронеслось сразу несколько идиотских мыслей, которые и сам Леха таковыми посчитал. Какие тут волки! И инопланетяне тоже не бывают. Тем более они берут внутренности, а тут вон — валяется. Тогда кто? Испугавшись того, что его сейчас увидят и либо грохнут как свидетеля, либо загребут как виновника, Леха присел на корточках и перевел дух. Потом со скрипом в и так натруженной голове сообразил, что сидеть на корточках посреди дороги всяко еще глупее, чем просто идти. И заметно издалека и толку нет. Лучше идти. Вопрос — куда? Может быть, назад пойти? А что там — медом намазано? Или все-таки вперед? Странно это все.

Леха поднялся и по возможности быстрее засеменял в неудобных шлепках по засохшей грязи проселка, стараясь при этом съежиться и проклиная кричащие цвета футболки и шортов. Теперь на обочине было довольно много хлама, в основном какие-то бумажки и тряпки, но к мусору вдоль дорог Леха привык и тут только удивился, что нет вездесущих пластиковых бутылей и пивных банок.

Когда запах стал слабее и Леха перевел было дух, подловатая дороженька преподнесла еще гадостный сюрприз — семенивший, как пожилая китайка, по обочинке Леха чуть не наступил на сверток каких-то грязных тряпок, в которые была замотана кукла. То есть внешне она была похожа на куклу, такую Леха дарил сестре Валерки — здоровенная куклеха, размером с годовалого младенца и выглядевшая как младенец, только эта кукла была очень грязной, загаженной чем-то и сильно помятой. На голову этой кукле словно наступил кто-то. И цвет у куклы был неправильный, восковой, зеленоватый. И опять мухи. И опять запах.

До старательно отпихивавшегося от дикого факта сознания все-таки дошло — это ни фигу не кукла, это как раз младенец. Настоящий. Мертвый. Точнее — убитый.

Тут Леха почувствовал, что его холодом просквозило. Лежачим ужасом. Это все было категорически неправильно, такого просто не могло быть, чтоб вот так по дорогам валялись убитые коровы и младенцы. Ясно — тут маньяк какой-то бродит. Судя по тому, как изувечена была корова — не меньше чем с бензопилой. Ничего другого и в голову не приходило. Разве что уж совсем экзотика — типа Хищников целой командой. Или там Чужих. Чужие так же выдирались при своих родах из организмов-носителей. А ведь похоже! Это что: тут, в белорусской или, черт ее дери, украинской глубинке — два десятка Чужих?!

Леха дернулся обойти сверток с трупиком стороной и напоролся на еще одного мертвеца, которого до того прикрывала не шибко высокая, но густая трава, только небольшой проплешиной выдавая место, где, раскинувшись навзничь, валялась белобрысая девчонка лет десяти с грязными босыми ногами. Леха оглянулся и вздрогнул — таких проплешин было еще несколько. Сунулся было к ближайшей, увидел там мертвую в платочке и старушечьей одежде, потом понял, что оскаленное лицо покойницы совсем молодое — она не старше Лехи, просто оделась зачем-то так, по-старушечьи; наверное, это богомольная, ну православная в смысле, они так наряжаются. И тоже вся растопорщена и в кровище, уже засохшей.

Да что тут такое происходит?!

Леха дико глянул вокруг и совершенно неожиданно для себя рванул неуклюжим галопом по дороге. Хватило его сил метров на пятьдесят, все-таки бегать он со школы не бегал, да и жирком подернулся, пузиком оброс. Остановился, задыхаясь и морщась от боли в разбитых ногах... И вздрогнул от негромкого, но очень злого возгласа:

— Стой!

Леха затормозил как можно резче, глянул вбок — там, плохо видимый в пушистых кустиках, стоял коренастый парень в желто-зеленой мешковатой одежде, с расплющенной на круглой, стриженной наголо голове странной шапочкой. Тут только Леха понял, что в руках этот парень держит здоровенное длинное ружье, и ствол этой длиннющей дуры направлен прямо на него.

— Ты кто? — по-прежнему негромко, но внятно спросил парень с ружьем. Очень как-то увесисто это у него получилось, убедительный такой вопрос вышел.

Леха еще не собрался с ответом — мысли скакали, словно мультипликационные кенгуру, как за спиной спросившего раздалось низкое рокочущее рычание, словно там пряталась здоровенная собаченция типа той, что у соседа с третьего этажа. И не успел Леха напугаться еще раз, как рычание перешло в низкий визг и закончилось требовательным и трубным звуком «мм-му-у». Офисный работник совершенно очумел от всего этого, даже попытаться толком не получилось.

— Стоять, Зорька! — не оборачиваясь на рев за спиной, прикрикнул властно парень с ружьем и повторил вопрос еще раз, настойчивее: — Ты — кто?

И нетерпеливо дернул ружьем, подчеркнув этим сразу несколько вещей — например, то, что ждать долго он не собирается.

— Леха! — неожиданно для самого себя выпалил вспотевший от страха горемыка.

Парень с ружьем задумался, критически осматривая стоящего на дороге. На его простоватой физиономии отразилось то, что осмотром он остался весьма недоволен.

— Леха, говоришь? Сколько вас тут таких?

— Не знаю, мы тут тренировались, вся компания. Тут наш лагерь должен быть рядом, — зачастил Леха и осекся, подумав, что, может быть, именно этот паренек в смутно знакомой одежке и причастен каким-то образом ко всем этим убитым ковром и богомолкам. Ружье-то вон оно, в руке. А из интернета со всеми этими репортажами эксклюзивными давно известно — маньяков чертова куча, так что зря он про лагерь-то брякнул.

Вдалеке затрещал вроде как мотоцикл, а может, и машина; Леха встрепенулся, а вот его собеседник сразу напрягся, померчал и показал своим ружьем в сторону, сказав сердито:

— А ну свали с дороги!

— Куда? — бормотнул, послушно залезая в кустики рядом с парнем, Леха.

— В кусты, быстро! Ложись!

— Так трава же мокрая! — запротестовал было Леха, но оппонент был лишен дара терпения и, придвинувшись ближе и сделав однозначный жест своим ружьем, вполголоса рявкнул:

— Ложись или я тебя штыком пырну!..

Леха очумело обнаружил, что раньше не заметил приделанную сбоку от ствола этого ружья не то длинную стамеску, не то отвертку, вороненую, но покрытую пылью. Ситуация как-то вдруг повернулась по-иному, странное ружье с длинным шты-

ком, полузнакомая одежонка на парне в кустах и даже блином сплюснутая шапочка на голове стали узнаваемы (не зря показались знакомыми), только вот в компьютерных играх это все выглядело не таким, но теперь у Лехи словно пелена с глаз спала: дошло, что в руках парень держит старую винтовку Мосина с трехгранным штыком, сам одет в гимнастерку и пилотку, и, наверное, он этот, как их... по телевизору показывали... Во, реконструктор! Только те были неуклюжими и нелепыми, а этот — ловкий, винтовку держал как-то привычно, умело. Но вот черный, грязный штык очень недвусмысленно покачивался совсем рядом от цветастой тряпки Т-шirt, которая не была какой-то защитой нежного Лехино тела. И острое штыка, с торца похожее на старую отвертку, смотрелось очень неприятно: блестящая такая узенькая полосочка острой стали. Леха все-таки замешкался, выполнять дурацкий приказ очень не хотелось, да и мотоцикл тархтел уже неподалеку, но, глянув в глаза оппоненту, понял: этот — пырнет. И прямо сейчас. Потому достаточно быстро лег в траву, неприятно холодную и действительно мокрую. Почему этот реконструктор старается остаться незаметным, Леха понял — значит, устроил маньяк засаду на дороге и убивает всех, кто мимо идет... Хотя коров дохлых тут с десятков... Откуда тут бродячие коровы, они все на фермах...

— Ползи глубже в кусты, видно тебя с дороги, как шаль цыганскую, — приказал реконструктор.

И Леха послушно пополз, стараясь все же разглядеть, кто там по дороге проедет: может, полиция? Не байкер точно — мотоцикл хотя и грохотал, как тяжелый, но все-таки до рыка серьезных байков недотягивал, не было в звуке этого львиного рычания.

— Замри! — шепнул реконструктор, когда мотоцикл тархтел уже рядом.

Леха послушно замер, потому что точно знал — маньякам нельзя перечить и, попав в руки террористу, надо выполнять все его требования, так во всяких рекомендациях советовали. Но все-таки искоса стал глядеть, чуть подняв голову и видя кусок дороги сквозь листву.

Байкер поразил его куда больше, чем сосед с ружьем. Впрочем, он явно был из компашки этого соседа, потому что, хотя густо покрыт дорожной пылью с ног до головы, словно его в пыли этой катали, но и характерные сапоги с короткими голенищами, и поблескивавшая сквозь слой пыли каска с очертаниями словно у американских морпехов, и тем более болта-

шиеся на спине автомат и здоровенный гофрированный цилиндр — все четко соответствовало форме немецкого солдата Второй мировой — точь-в-точь как в разных компьютерных играх. Слет реконструкторов тут, что ли? Мотоциклист встал как раз в просвете между ветками, осмотрелся, потом поднял вверх, на край каски с глаз дурацкие старомодные очки, огляделся. На покрытой слоем пыли физиономии странно смотрелась полоска чистой кожи с глазами. Мотоцикл тихо порывивал. Запыленный реконструктор слез с него, обошел по следам Леха — от него в траве осталась видимая полоса, поглядел на труп богомолки, потом наклонился, повозился, поднявшись повертел перед глазами какую-то маленькую вещичку, блестящую на солнце желтым тугим солнечным зайчиком, внимательно осмотрел еще пару мест, где кто-то валялся в траве, огляделся по сторонам, сел на свой агрегат, нацепил очки и, явно довольный, покатил дальше, оставив пыльный хвост.

— Вставай, пора ноги уносить отсюда! — хмуро велел парень с винтовкой.

Совершенно очумевший Леха послушно встал и пошел туда, куда ему показал штыком реконструктор, полагая, что теперь уже ничему удивляться не будет. Дальше он все-таки удивился дважды — когда оказалось, что за ними в кустах стояла живая корова, пузатая, рогатая, с черно-белой шкурой, такая же, как и валявшиеся у дороги, только живая, и когда парень приказал ему поднять из травы и нести тяжелую зеленую каску, полную белой жидкости. Леха не сразу допер, что это молоко.

— Расплескаешь — набыю морду! Давай двигай вон туда — и аккуратно! — приказал сумасшедший реконструктор. И неожиданно ласково добавил: — Умница, Зорька! Ну, пошли, красавица, пошли!

Леха обернулся и все-таки хмыкнул грустно — очень уж нелепая кавалькада получалась — впереди он с каской, полной теплого молока, следом корова, и замыкает реконструктор...

Боец Семенов

Жрать хотелось, как из пушки. После разгрома роты прошло уже двое суток, потому все, что имелось в заначке, кончилось. У других, тех, кто помогал тащить тяжелораненого взводного Уланова, тоже харчей не осталось, да что там — Петров вон сидор свой даже посеял. Хотя половине роты повезло еще меньше — остались вместе со своими вещмешками в полузасыпанных стрелковых ячейках. Так что Петрову еще, можно

сказать, свезло. Зато у него шинель была совершенно целой, а вот сам Семенов недоглядел, и по его шинельке прилетело гус-то, осталась от скатки считай половина. Ехида Петров порекомендовал из огрызка «польта боевого» сделать коврик-половичок; что с него возьмешь — горожанин потомственный, ему бы все зубы скалить. Ну да, зубы-то он скалить умел, а вот с лесом не знаком, потому пришлось идти «на фуражирование», как называл по-старорежимному такое действо взводный, именно Семенову. Поиск не порадовал — по дорогам катила на восток немецкая армия, в деревушке, куда с задворков сунул нос Семенов, всю хозяйничала какая-то немецкая тыловая часть, стояли грузовики, сновали солдаты, и услышанный за короткое время несколько раз пороссячий предсмертный визг ясно давал понять — пируют, сволочи. Да и вообще признаков веселья было куда как достаточно — и пиликанье губной гармошки, и гомон, в который вплетались и веселые женские голоса...

Но при том сидевший на изгороди у околицы часовой хоть и покуривал трубочку, но поглядывал внимательно, так что лезть в это все смысла не было, не настолько Семенов оголодал, чтобы голову потерять. Повезло, когда уже возвращался. На проселке попалось место, где немецкие летуны обстреляли эвакуировавшееся стадо. Несколько убитых коров, которых увидел и учуял по запаху Семенов, вполне дали бы достаточно мяса для всех товарищей — мяса хотя и вонючего, но съедобного. Другое дело, что придется потратить много времени, потому что маленьким ножиком резать шкуру и вырезать мясо — дело непростое. При этом еще и осматриваться по сторонам надо — черт его знает, кого по дороге принесет, вполне могут и велосипедисты тихо подъехать, и пешие фрицы. Увлечешься — и все, гайки. Потому Семенов сразу услышал, что по кустам кто-то к нему прет. Оказалось — уцелевшая и отбившаяся от стада корова, крупная, породистая, таких в деревне Семенова не бывало. И вымя было у нее громадное и твердое, понятное дело — доить ее некому, страдает животина от этого: вишь, вымя как расперло, больно ей, вот к человеку и вышла. Пожалуй, это было куда лучше, чем дохлятину резать. Несколько все же добытых из спины падали кусманов Семенов замотал в листья лопуха и уложил в торбу противогазной сумки (сам противогаз выкинут был еще неделю назад), помыл грязные руки, потратив всю воду из стеклянной фляжки (ну да в этих местах воду найти не просто, а очень просто) и сноровисто подоил ждавшую этого с нетерпением корову, которую сразу же окрестил Зорькой. Вот не зря каску не бросил — аккурат и пригоди-

лась, только пришлось выдернуть оттуда дерматиновые лепестки, что для амортизации были вставлены. Получилось ведерко, хотя и не очень удобное. Теперь корова охотно пойдет за ним, остается только по возможности без приключений добраться до голодных товарищей. Вот только Уланову вряд ли это молоко поможет — ясно видно, что помирает взводный, нехорошо его задело, насмерть, только вот не сразу насмерть, а с отяжкой в пару-тройку дней. Ну хоть перед смертью молока попьет, если сможет...

Тут-то Семенов и услышал, что кто-то шлепает по дороге. Успел корову в кустах укрыть, сам укрылся. Ну и увидел...

Как назвать того, кто выперся из-за поворота лесной дорожки, — Семенов сразу не решил. Скорее всего — клоуном, хотя в цирке он ни разу не был, клоунов не видел, но старшина в роте так называл разных чудиков. Этот чудик был одет... Или скорее — раздет? Черт поймет! В общем, одет он был диковинно и цветасто. Так даже цыганка бы побоялась одеваться, да еще без брюк, в труселях. И на ногах что-то совсем странное. А клоун этот тем временем совершенно очумел от вида дохлой коровы, шарахнулся в сторону, там, где валялись бравыми авиаторами убитые беженки, скорчил такую рожу, что хоть кино снимай, и засуетился.

Семенов озадаченно задумался. Для любого, кто шел и ехал по этим дорогам, зрелище убитых было привычным. Немецкая авиация безобразничала как хотела, трупы валялись и поврозь, и кучами, луфтваффе, как по-ученому называл немецкие самолеты Уланов, гонялись даже за одиночками. Семенов своими глазами видел с неделю тому назад, как пара истребителей пулеметными очередями гоняла в поле нескольких девок и баб — горожанок, которые в своих белых платьях были видны лучше некуда... Опять же — так испугаться дохлой коровы... А уж вырядился-то... Может, сумасшедший? Так нет таких красок, Семенов такого даже в Вятке не видал, а Вятка — крупный все же город, модников там много. Немецкие краски? Там, в Европах, чего только не учудят... Но тогда что так от беженки шарахнулся? Немцы мимо трупов ездят, даже нос не воротят, видел уже... Шпион? А что шпиону тут делать? В лесу-то? Шпионы — они всегда в Москве, это и в кино показывали. Одно ясно — надо этого идиота с дороги убрать, нечего ему тут внимание привлекать.

Семенов так и решил — если человек этот по-русски понимает, ну или вообще не совсем сумасшедший, то придется его отвести к Уланову, взводный пользовался заслуженно автори-

тетом умного и толкового человека, вот пусть и решает; если же начнет бузить-хамить... ну тогда по-тихому, штыком придется. Не впервой уже.

Семенов неслышно встал на ноги и окликнул клоуна:
— Стой!

И чуть не пальнул от внезапного мычания Зорьки за спиной, требовательного и нетерпеливого — не до конца додоил, нервничает животное, напоминает о себе.

Менеджер Леха

Если б еще не голова! Обычно голова у Лехи работала очень неплохо, не дурак он был, совсем не дурак, но вот сейчас... Чертов дринк-тест! Да еще и к угрозе, что ему набьют морду, приходилось относиться серьезно — шедший сзади гопник-реконструктор почему-то внушал уверенность, что да, набьет морду. Потому нелепую эту тяжеленную каску, полную почти до краев тяжело колыхавшимся молоком, приходилось нести с крайней осторожностью, а это тоже отвлекало от мыслей. Да и не мысли и были — ворох какой-то фигни, лихорадочной и рваной. Куча мусора, а не мысли. Единственным, что еще куда-то годилось как продукт деятельности человеческого мозга, была многократно повторявшаяся мысль: «Эпикфейл! Попал так попал!» Да и то, наверное, только потому, что была слишком куцей и встопорщенный мозг мог ее продумать всю целиком и сразу.

Кустарник кончился, сменившись вполне приличным лесом. Идти стало чуток полегче, но тут порвалась левая шлепка. Леха сбился с шага и беспомощно оглянулся. Шедший сзади реконструктор криво ухмыльнулся и показал штыком — иди дальше. И Леха послушно пошел, оставив покалеченный тапок сзади. Идти босым по лесу было еще больше непривычно, и теперь думать уже совсем не получалось. Хорошо еще, что лесок этот был чистеньким, словно тут тыщи гастарбайтеров поработали — ни банок, ни битых бутылок, ни полиэтилена, чистота невиданная, наступить можно только на шишку или там сучок... Вообще никакого мусора. Потом пошел толстый слой мха, ноги утопали в нем, словно в шикарном ковре, и Леха немного отвлекся.

«Наверное, все же в Белоруссии этот тренаж проводят, — подумал Леха, — больно чисто. Но при чем тут коровы? И нету вроде террористов в Белоруссии, тут КГБ... Нет, по телику было что-то — рванули бомбу в метро... Значит, террористы? Тогда при чем коровы? Этот норвежец, как в инете писали,

тоже такое пати, как наше, накрыл, но без коров. И одевался он в полицейское шмотье. А тут — реконструктор какой-то дикий... Нет, двое реконструкторов, еще тот байкер пыльный на дороге. Или просто в этой глухомани сначала на коровах оттянулись? Тогда с чего один от другого прячется? И молоко это чертово...»

На миг в мозгу с какой-то стати просквозил вид отсека молочной продукции супермаркета «О'кей», где на полках стояли ряды таких же зеленых касок с молоком разной жирности, кефиром и «Растишкой». Догоняя, пронеслось совсем идиотское: где на каске искать срок годности продукта?

Лучше от этого не стало, только еще хуже, да и комары окончательно взбеленились, жая на манер пчел. Таких комаров Леха давно не видал, единственное, что спасало — идти быстрее, но тогда бы молоко чертово разлилось. И он его чудом не разлил, когда за спиной требовательно взревела — именно взревела, а не замычала, как ей положено, корова. Он обернулся было, но чувак с винтовкой что-то убедительно, но ласково и тихо сказал здоровенной скотине почти в ухо, и та послушно пошла дальше. Черт, куда они идут-то? Почему-то вспомнился дурацкий старый анекдот про партизана, который не знал, что война уже давно закончилась, и все поезда подрывал... Определенно ничего не было понятно. Хотя с другой стороны — Леха тут же осадил себя — к террористам в лапы он еще ни разу не попадал, потому хрен их разберет... Вон у того чеченца вместо котелка с молоком вообще была титановая пластина в черепа... Или это у другого было? Но этот — с винтовкой — безбородый, только щетина на морде. Не чеченец. Нет, ничего не понятно. Вот трупы на дороге — настоящие. И мухи там были настоящие. И запах. И чертовы комары в этом чертовом лесу — самые настоящие. Только в этом Леха точно был уверен.

Боец Семенов

Клоун понимал по-русски и команды выполнял, хоть и с задержкой. Ну немного все же полегче, а то довелось с беженцами идти — так по-русски кое-кто вообще ни в зуб ногой. Им «Воздух!» кричат, а они стоят, тарашатся в небо, откуда падает смерть, или раком ползают на самом видном месте, словно их спасет то, что они на четвереньки встали или бегут галопом прямо под бомбу... Сам-то Семенов на втором уже налете действовал как положено; действительно, хоть и страшно, а все-таки понятно, что да откуда. Вот когда их плотно накрыли минометами, было куда хуже. Хуже некуда. Хотя покойный

ротный все время толковал о том, что газовая атака — еще страшнее. Ну ему виднее — он травленный был, покашливал все время, еще в Империалистическую хватанул немецкого газку. Но тут Семенов все-таки больше верил взводному Уланову, тот толковал, что нынешняя война — это война моторов. Уланов — толковый командир, знает, что говорит. Газу вот не было ни разу, а моторов насмотрелись уже. Себе на уме был взводный. И даже как бы не заметил, когда они, проходя по разгромленной желдорстанции, где стояло аж несколько составов, частью разбитых, частью горевших, набили в противогазные сумки консервных банок, высыпавшихся из разваленного штабеля ящиков. А потом еще заставил набрать из стоявшего особнячком вагона патронов и гранат под завязку. Тяжело было тащить, многие тогда противогазы потихоньку выкинули, а взводный вроде как не видел... Не могло такого быть, глазастый он, Уланов. Другое дело, что набрали всего — чуть руки не отрывались, все ж без противогазов полегче стало. А вот когда некоторые попытались и лопатки скинуть — тут же пресек. Очень им это пригодилось потом. Да и, собственно, спаслись в последний раз только из-за взводного, мелкую лощинку заметившего. Семенов уже стал опытным пехотинцем, сейчас уже понимал, что маленький холмик, бугорок, ямка — спасительней иного блиндажа бывают. Неопытный и не заметит, и погибнет зазря, а опытный — выживет. Из-за неприметных вроде мелочей. В том и разница...

Клоун пестрым пятном маячил впереди, пыхтел. Ясно, горожанин — по лесу прет, как танк, только треск стоит. Никакого соображения, что лес шума не любит. И пятки розовые, гладенькие — не ходил босичком-то. Обувка у него несуразная... да и одежда... Много чего диковинного видел, пока отступали, Семенов, но вот такого — ни разу. Странный клоун донельзя. А вроде и не немец — от связника немецкого на тарахтелке послушно укрылся. И тарашился, полуоткрыв рот, как фриц обручальное колечко с покойницы-беженки тянул. Но без страха тарашился. С удивлением. Тоже непонятно. Про таких чудиков мамка говорила: «С луны свалился!» Какой-то он невсамделишный. И тапок его порванный, который Семенов хозяйственно, по крестьянской своей привычке, подобрал, тоже странный — легкий, из какого-то материала непонятного. Нет, оно, конечно, цивилизация и всякая такая штука... Вон когда в деревне в первый раз аэроплан увидали, так перепугались все и кинулись кто куда, дядька Евсей вообще в колодец прыгнул, а сам Семенов по малолетству стоял посреди дороги и выл в голос, пока

его ребята постарше под телегу не утянули... Так что всякое бывает... Тут Семенов покрутил в смущении головой, потому как вспомнил еще и срамное: когда в школе учились, Зинухе отец из города какие-то «трусы» привез, и он с приятелем лазил под парту, чтоб посмотреть, что это такое. И не он один — остальные, и мальцы и девчонки, тоже Зинухе под юбку лазили смотреть, на диковину такую. А сейчас его трусами не удивишь. Учитель тогда шибко рассердился, урок ему Зинухины трусы сорвали. Он-то понять не мог, что такого диковинного в невиданных раньше в деревне трусах: думал, что-то неприличное происходит. Можно подумать, что деревенские не знают, что у девчонок под юбками. Еще как знают. А трусы — те да, невидаль была невиданная.

Зорька напомнила, что она тут и не грех бы ее выдоить как следует. Надо, кто ж спорит, только некуда. Потерпи, родимая. Скоро явимся — а там четыре голодных рта, вот тогда все и сделаю... На всех молока хватит. И с коровой-то в виде обоза жить легче будет — на молоке можно долго продержаться, а бензина корове не надо, травы хватит. С этим теперь проще. А вот что с клоуном делать? Ввязываться в разговор с этим городским Семенов не рвался, ему и Петрова хватало с избытком. На язык-то горожане востры, куда там. И словечки всякие отпускают непонятные. Ломай потом себе голову. Вот сейчас — пока в руках у Семенова винтовка, все хорошо. А начнется разговор — глядишь, и стушеваться придется.

И точно: как наконец добрались всей честной компанией до неприметно разбитого в лесу пристанища, так карауливший Петров сразу и выдал, заблажив скороговоркой на манер ярмарочного зазывалы:

— Разыгрывается лотерея: пистоль Бармалея, что с Апраксиной галереи, воловий хвост и два филея! Пять коз да мусору воз! Тулуп на рыбьем меху, воротник моржовый, а обклад ежовый, да вокруг всех прорех понашит кошачий мех! Разные макароны, из которых вьют гнезда вороны! Часы из чугуна, одна стрелка видна, два вершка до трех часов! Серьги золотые, на заводе из меди литые, без всякого подмесу десяти пудов весу!

И тут же добавил почти нормальным голосом:

— Дамы и мадемуазели! На ар-р-рене нашего цирка несравненный мсье Семенноу с его дрессированными гиппопотамами, только у нас и только один раз, проездом из Буэнос-Айреса в Урюпинск. Прошу любить и жаловать!

И совсем нормальным голосом спросил:

— Это что за балаган такой?

Семенов, как всегда, чуточку растерялся от такого напора и только и сумел, что укоризненно посмотрел на балабола. Тот ответил не улыбочивым взглядом и чуток кивнул в сторону, где под навесиком из еловых лап лежал пластом раненый взводный. Раненый даже не пошевелился: то ли опять сознания лишился, то ли наконец задремал после тяжко прошедшей холодной и сырой ночи. Дескать, не для тебя, Семенов, венчальный звон, это я взводному показываю, что у нас дух бодр, разум светел и перспективы ясны. А по выражению физиономии сослуживца Семенов с огорчением понял, что взводный совсем плох. И это сильно огорчило, потому как без командира будет трудно, командир-то всегда знал, что и как делать. Как батя в семье. И без бати им будет паршиво.

— Такой вот балаган, — сухо ответил Семенов и спросил у балабола: — Молоко пить будешь?

— А то ж! — без обычных своих подковырок сразу согласился Петров. Потом вопросительно глянул, намекнув — не лучше ли командиру первую чарку, то есть каску?

Семенов помотал головой. Раненому лучше тепленького; как ребята каску опорожнят, так он свеженького надоит, полезнее оно. Не чинясь, Петров приложился к краю каски и зачмокал. Хорошо приложился, от души. Потом передал ополовиненную посудину сидящему под елкой третьему бойцу. Тот кивнул, в несколько длинных глотков добил остаток. Семенов, хмуро посмотрев на переминавшегося с ноги на ногу Леху, молча подставил пустую каску аккуратно под разбухшее вымя и ловко стал выдаивать из крупных розовых сосков цвиркавшее струйками молоко. Сноровисто это у него получалось, привычно. Потому и подумать удалось — сначала он командира молочком попоит, потом совета спросит — что дальше-то делать. Заодно и с клоуном можно будет решить, что да как. От принятого решения стало легче на сердце. Семенов не любил неопределенности.

Взводный не спал, лежал тихо, с открытыми глазами. С тоской убедился Семенов, что совсем Уланов сдал, совсем все плохо.

— Вот, товарищ лейтенант, молочка раздобыл, попейте! — совсем не по-уставному и немного от этого робея, сказал Семенов, аккуратно становясь на коленки рядом с раненым. Петров пристроился с другой стороны — лейтенант уже сам голову поднять не мог; уже вчера не мог.

— Что там? — очень тихо спросил умирающий.

— Все то же, товарищ лейтенант: немцы по дороге шпарят,

в деревне кур и поросят жарят, а я вот коровой разжился, теперь с голоду не помрем. И вот еще клоуна подобрал, — вспомнил о чудике рядовой.

Менеджер Леха

Поганая чертовщина продолжилась и дальше, не становясь от этого менее поганой. Чувствуя себя почти коровой, Леха, так же как и шедшая за ним пятнистая животина, покорно шел по лесу, пока не уперлась вся компания в злобноглазого чувака — одетого точно так же, как и дикий реконструктор за спиной и с такой же пушкой в руках. Только у этого морда была еще противнее, потому что видно было, что чувак откровенно недобрый — Леха отлично умел угадывать характер людей по выражению физиономии.

«Скорпион по знаку, скорее всего», — мелькнуло в голове.

Чувак вдруг понес какую-то невиданную пургу, причем Леха сначала даже не врубился, что за фигню плетет этот оглоед. Но этот словесный понос явно предназначался не для Лехи, его этот чувак как бы игнорировал, а вот шедший сзади реконструктор как-то застеснялся. Оробел, что ли? Леха совсем запутался, особенно когда увидел, что на небольшой полянке сделан навес из веток и еловых лап, под ним на такой же подстилке пластом лежит тщедушный человечек со странным цветом лица и рука у него, торчавшая из рукава — тоже какая-то восковая, неживая. Вместо спального мешка лежащий был укрыт серым пальто. Леха было подумал, что это манекен или там реквизит, но рука вдруг слабо пошевелилась. Оба реконструктора между тем направились к навесу, забрав у оторопелого Лехи уже отмотавшую ему руки своей тяжестью каску. Злобный присосался к краю этой громоздкой и нелепой чаши ипил от души — так сотрудники офиса глыкают воду из кулера в понедельник. Потом протянул каску в сторону, и Леха вздрогнул — оказывается, под елкой сидел неподвижно еще такой же реконструктор, только морда у него была как у гастарбайтера. Таджики, наверное. Но тоже с пушкой, только какой-то коротенькой.

— Жанаев, держи, — сказал злобный.

Азиат с явным удовольствием дохлебал до донца, и приведший Леху мутный тип взялся тут же доить корову с таким уверенным видом, словно всю жизнь этим занимался. Леха, видя, что на него внимания не обращают, осторожно сел на траву. Ему ничего не сказали, но вся троица глянула, что это он там шевелится. Леха почувствовал себя еще неудобнее.

Дояр со злобным тем временем отправились под навес. И через пару минут замахали оттуда руками, явно приглашая... Хотя, судя по их загорелым физиономиям, — не приглашая, а требуя. Леха на ватных ногах побрел под навес. Если б еще не похмелье и башка бы не трещала так... Мысли и так путались ворохом. Леха чувствовал себя совершенно по-идиотски, слишком все было нелепым и странным, не подлежащим никакому реальному и четкому объяснению. Маньяки, террористы, трупы на дороге... Реконструкторы... Дурь свинячья и чушь собачья...

Человек под навесом манекеном не был. Живым его тоже можно было назвать с натяжкой — маленький, тощий, с ввалившимися глазами на обтянутом зеленоватой кожей лице, он скорее напомнил подошедшему менеджеру лича из старой компьютерной игрушки, в которую Леха рубился года три назад. Только глаза были обычные, человеческие, а не горели мертвенным зеленым огоньком. Но, пожалуй, только глаза и были живыми — даже волосики казались плохо приклеенными к голове. Да и не было у лича потеков молока из уголков рта, как у этого лежавшего. Леха отстраненно заметил, что стоявший рядом на коленках злобный нерешительно мнет в руке относительно белую тряпочку, видимо не решаясь обтереть с лица лежавшего это нелепое молоко.

— Кто вы? — тихо прошелестел лежащий.

И было видно, что ему трудно было даже это выговорить. Леха вспомнил, что называть себя и свое место работы по требованиям террористов рекомендовано, и теперь уже нормально оттрапоровался — фамилией, именем, отчеством, и даже назвал свое место работы. И сильно удивился странному удивлению всех троих.

— Вы англичанин? — спросил лежащий.

— Нет, русский, — в свою очередь удивился Леха. Ему казалось, что он понимает что-то, но это понимание было настолько невероятным, что не понималось почему-то полностью, и потому не понимал Леха ни черта.

— Тогда что вы здесь делаете, раз работаете в английском учреждении?

— У нас тут был тренаж, ну то есть — тим-билдинг типовой, а фирма — московская. Я потерялся, а вот он меня захватил, — кивнул растерянно Леха на дояра.

— Тренаж? То есть тренировка? И как вы сюда попали? — чуточку громче спросил не вполне лич.

— На автобусе арендованном привезли. Тут не только у нас

тим-билдинг был, тут много фирм, лагерь известный, с хорошим имиджем...

Тут Леха подумал, что не ровен час — попрутся эти странные типы в лагерь и устроят там погром, как на дороге, и потому торопливо добавил:

— Официальный лагерь, полиция охраняет.

— И давно у вас тут лагерь? — уточнил лежащий.

— Давно уже, года три точно. До этого вроде в Египте проходили, но там беспорядки.

— Ваше воинское звание?

— Я невоеннообязанный. По состоянию здоровья, — пояснил Леха.

Злобный и дояр помалкивали, напоминая при этом сторожевых собак, смотрели с каждой фразой все более недобро, и Леха аж вспотел, понимая, что от этого странного полумертвеца сейчас зависит его судьба. Так он потел только на собеседованиях с менеджерами по рекрутингу. С чего это вдруг эта публика так ощетинилась? Ну лагерь, ну тим-билдинг. Не запрещено по законам ни Украины, ни Белоруссии, между прочим. Точно, партизаны из анекдота. И с чего им спрашивать про воинское звание? Хрен им, а не воинское звание, военный билет у Лехи есть, а звания нет. И это его вполне устраивает. Цепляются, бывает, полицейские в метро, призывников когда ловят — весной и осенью, но не зря Леха билет добывал: дорого вато встало, но стоило того.

Боец Семенов

Если взводный и выпил пару глотков, то хорошо. Не получалось у него уже глотать толком. Петров вытянул свой носовой платок, но так и не осмелился вытереть Уланову лицо. А вот при упоминании клоуна раненый как-то встрепенулся и, когда тот нерешительно подошел поближе, словно бы даже стал бодрее. Дальше пошло непонятное — клоун оказался русским, но признался, что работает на англичан. Семенов политзанятия посещал, был отличником боевой и политической, так что точно знал, что Египет — английская колония. Ну а с англичанами Семенову все было ясно — не зря в руководствах по рукопашке и стрельбе и на мишенях были изображены именно английские солдаперы. И потому Семенов незаметно подобрался, устроился поудобнее, чтоб если что — вдеть этому шпиону прикладом. До чего обнаглели — даже прямо признается, что у них тут лагерь для тренировок. Правда, война сейчас с немцами, но англичане те еще гады. Ничего хорошего от англичан

Семенов не ждал, да и сосед в деревне, дядя Миша, не раз рассказывал, как во время интервенции попал под химический обстрел именно англичан, накрыло тогда ядовитым облаком товарищей, а ему повезло — не наглотался, выжил.

Вот Петров — тот удивился чему-то. Но с Петровым всегда все наперекосяк. Умничает много, когда не надо, горожанин. За это его старшина роты Карнач и жучил все время. Поделом. И все-таки Семенов и сам не понимал — почему английский шпион сам признается во всем, почему так одет, почему так обут. Может, в Египте такая одежда и принята, но вроде как нет — там пустыня, бедуины, солнце жарит, сгорел бы в такой одежонке этот шпион. Ничего, Уланов мужик башковитый, сейчас этого клоуна расколет. За то коротенькое время, пока Семенов находился под командой взводного, толковость командира самое малое трижды спасала бойцу жизнь, и Семенов это отлично помнил. И при первом авианалете, и с мотоциклистами, и тогда, когда по лошадке ноги уносили... Впрочем, вспоминать особо не стоило: отвлечешься, начнешь ртом ворон ловить — а мало ли что клоун учудит... В кино Семенов видел: шпионы — они коварные. Этот, наверное, тоже специально таким дураком вырядился, обыскать его надо было... отвлекся на корову и молоко, забыл обязанности. А ведь знал отлично — даже у советского красноармейца, всего-навсего попавшего на гауптвахту, забирают все, чем он может себе или другим вред нанести сгоряча. А этот-то клоун совсем не боец Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Сейчас выхватит нож или пистолет — пока тут с винтовкой развернешься, он всех и положит. Семенов сильно огорчился своей оплошности и решил ее исправить по возможности быстро. Он поднялся, зашел за спину клоуну и встал поудобнее, чтобы любое движение этого шпиона предугадать, половчее перехватил винтовку и уже после этого сказал:

— Товарищ лейтенант, я его пока конвоировал — не было возможности обыскать. А сейчас самое время — разрешите? Петров его мигом проверит!

Уланов только моргнул — и Петров, нимало не чинясь, тут же сунул свой носовой платок обратно в карман и обхлопал одежонку клоуна, благо одежонки той было — всего ничего. И не зря охлопал — из единственного кармана в труселях клоуна Петров ловко вывернул черную коробочку, отчего шпион было дернулся. Но тут же затих, почувствовав спиной кончик штыка.

Петров недоуменно покрутил коробочку в руках, потом показал ее раненому.

Семенов сначала подумал, что это портсигар, но размеры не те. Но хорошо, что не пистолет.

— Что это? — спросил Уланов. Он своих эмоций никак не выдал. Возможно, просто сил на них не было.

— Айфон, — ответил клоун так, словно все тут находившиеся должны были отлично понимать, что это такое.

— И для чего это? — еще больше удивил клоуна своим вопросом Уланов.

— Смартфон. Ну то есть то же, что и коммуникатор, — растерянно ответил явно растерявшийся клоун. И пояснил еще непонятнее: — Мобила такая с функциями компьютера.

— Для чего это? — совсем удивил клоуна простым вопросом, который вертелся и у Семенова на языке, взводный.

Петров, судя по всему, тоже готов был спросить про это же. Клоун, явно растерянный, обвел всех глазами и жалобно спросил:

— Прикалываетесь, да?

— Отвечай! Не дури! — И Семенов чуток сильнее нажал кончиком штыка в пухлую спинку.

— Да для связи же. Позвонить кому, эсэмэснуть, еще чего. Да вы что — никогда мобил не видали? — разволновался допрашиваемый шпион.

— Это что — телефон, что ли, такой? — переспросил Петров, забыв даже уставные нормы.

— Ну да! — ответил клоун и шпион по имени Леха, поражаясь все сильнее и сильнее.

— И работает? А провода где? — насел на него Петров.

— С кем вы можете связаться? — тихо спросил взводный, и Петров заткнулся.

— Ни с кем. Тут «Вне зоны действия сети», — почему-то поник клоун.

Менеджер Леха

— Откуда у вас такая техника? — прошелестел раненый. Говорил он так тихо, что приходилось напрягать слух.

— Купил, — удивился Леха.

Почему-то ему совсем не к месту вспомнилось, как у старшего менеджера Гоши украли свежкупленную в кредит «мазду» прямо от подъезда, и Гоша сгоряча рассказал на работе, что когда вышел из дома и не увидел «мазды», то сначала передумал в считанные секунды кучу версий — от «на ручник забыл по-

ставить» до «не у этого подъезда оставил» — и только когда обошел на всякий случай по периметру весь дом, понял, что куда все проще — угнали. Хотя вообще-то эта простая мысль должна была прийти в голову самой первой, но так как она была самой неприятной, то мозг услужливо загнал ее в дальний угол, выдавая более благостные.

Леха чуял, что и у него тоже что-то «украли», но вот сообразить, что именно, — пока никак не выходило. К слову, в этом сильно мешало давление в спину острого жала штыка и злобная морда второго реконструктора совсем рядом.

— Покажите, как работает, — велел так же тихо раненый.

Смотреть на него Леха попугивался, вблизи он таких страшных лиц — без кровинки, восковых — не видал. Неприятно на это было смотреть, очень уж напоминало лица с обсохшими ртами у тех трупов на дороге.

— Вот там нажать, — засуетился Леха.

Злобноглазый нажал корявым пальцем, причем так, что ясно стало — он грубиян и неотесанный гопник, а с деликатной техникой не встречался. Такие, как он, таскают допотопные дубовые «Нокия 33».

Банальное включение айфона неожиданно поразило всех троих реконструкторов. Еще больше — когда Леха, чуточку все же отстранившись от штыка, показал, как управлять появившимися на экране иконками. Пару минут все смотрели за мельтешением цветных картинок — и тут смартфон взял и сообщил, что зарядка у него кончилась.

Умирающий неожиданно как-то приободрился и спросил так, словно увидел что-то очень важное для себя:

— Год вашего рождения?

Леха, не чинясь, назвал свои анкетные данные.

У раненого как-то засветились глаза, он словно ожил, пошевелил рукой и с запинкой спросил:

— Вы... вы — из нашего будущего?

Вопрос был дурацкий, нелепый, но Леха чуть не застонал от досады. Весь сюрреализм сегодняшнего невероятного дня перевернулся, и все стало на место, тем более ведь и в кино видел, как четверо идиотов попали в прошлое. И ведь все было на виду, но с похмелухи — да и оттого еще, что этого банально не могло быть — сам себе напридумывал реконструкторов каких-то. Какие на фиг реконструкторы — одежда на этих сидит привычно, обмята, оружие держат хватко... И оружие... Какие там террористы с винтовками — у террористов «калаши»...

Нет, все-таки сразу вот так поверить в происшедшее Леха не мог. И ответно задал не менее идиотский вопрос:

— Так это что — война сейчас с немцами, да?

Прозвучало жалобно, как щенячье поскуливание. Матернулся негромко злобноглазый, помотал башкой. Взвонный, видимо, пропустил это мимо ушей, он о чем-то думал, полу-прикрыв глаза, и только стоящий сзади дояр, хмыкнув, ответил:

— А то ты сам не видел!

— Вы умеете лечить? — вдруг спросил раненый.

— В смысле? — не понял Леха.

«Лечить» у него получалось очень неплохо, он умел собеседнику так заморочить голову — любо-дорого, только ведь эта способность вряд ли сейчас могла заинтересовать лежавшего пластом перед ним человека. Впарить покупателю ненужную ему вещь или заморочить начальству голову, чтобы удрать в пятницу с работы пораньше, вряд ли было сейчас нужно... Тут до Лехи дошло, что, видимо, раненый имеет в виду другое значение этого слова.

— Нет, я не медик...

— А на вашей машине времени нет аптечки?

— Какой машине? — оторопел Леха. Потом вспомнил американский фильм, где у главного героя была такая штука странного вида, которая его и перемещала по времени, потом еще пару американских же фильмов и с сожалением сказал: — Нет у меня машины, я не знаю сам, как сюда попал...

Раненый промолчал, только как-то сразу угас. Потом прошелестел:

— Немцев мы... разгромим?

— Разгромим... Девятого мая — праздник Победы, — припомнил недавнюю корпоративную пьянку Леха.

— Ясно... Петров, отведи его в сторонку, покарауль, — велел раненый.

— Пошли! — приказал злобный и поднялся на ноги, но винтовку взял на ремень, повесив на плечо. А не так, как раньше, на изготовку.

Леха не стал спорить, тоже встал и отошел к елке, где статуэткой Будды сидел азиат.

Боец Семенов

— То-то я и смотрю, что он чудик какой-то. Получается, наши внуки такими клоунами бегать будут? — спросил Семенов.

нов просто ради того, чтобы что-то сказать, больно уж тишина тягостная была.

Уланов на глазах умирал, последняя вспышка жизни, когда у взводного появилась, видно, надежда, что этот никудышник чем-то сможет помочь, погасла. И поэтому на душе у бойца было паршиво.

— Значит, так, Семенов, — начал взводный, собравшись с силами, — этого балбеса надо доставить к нашим. Чтобы все, что можно, узнали. Мне сейчас — никак. А он, может, что полезное сообщит. Считаю, что он и впрямь оттуда. Из будущего. Потому хоть что-то нужное, может, и скажет. Только спрашивать надо долго и умно, мне не... Не смогу... Это на тебе. Ты отвечаешь.

Уланов перевел дух и продолжил:

— Сапоги и часы у меня возьмете... не возражай, спорить не о чем... Приказ. Если что — на хлеб поменять... И этого переоденьте... Все, прощайте...

И совершенно выдохшийся взводный закрыл глаза.

Семенов продолжал сидеть. Не то чтобы надеялся на что, надеяться было не на что. Просто сидел. Видно было, что недолго уже ждать. Раненый стал каким-то плоским, совсем маленьким, дыхание из частого и неглубокого стало каким-то странным: редкие вдохи, вроде как глубокие, но какие-то неправильные, судорожные.

— Может, еще полегчает? — безнадежно понадеялся Семенов, внутренне понимая, что нет, это все. Конец взводному. И продолжал сидеть.

Момент, когда взводный *отошел*, Семенов не засек. Просто отвлёкся — у раненого слезинка поползла из закрытого глаза, и пока боец за ней наблюдал — взводный перестал дышать: тихо, незаметно. Не вздохнул в очередной раз. Только нос еще больше заострился. Семенов посидел еще немного, собрался с мыслями, тяжело встал, подтянул шинель, которой был накрыт взводный, на мертвое лицо. Подошел к сидевшим неподалеку.

— Умер? — как-то утвердительно спросил Петров. На этот раз серьезно спросил, без шуточек своих дурацких, и слово сказал человеческое — не «коньки отбросил», или там «дуба нарезал», или «окочурился», как он говаривал раньше про других покойных.

— Умер, — просто ответил Семенов.

— А тебе чего сказал? — уточнил Петров.

— Часы велел взять и сапоги. На хлеб поменять, если что.

— Понятно... А с этим как? — кивнул Петров на очумевшего Леху.

— К нашим велено доставить, в целости и сохранности. И переодеть, чтоб внимания не привлекал.

— Легко сказать. И наши тут рядом и промтовары на каждом шагу... — проворчал Петров.

— Ладно тебе. Что-нибудь придумаем. Сначала Уланова похоронить надо.

Петров кивнул. Его саперная лопатка осталась рядом с вещмешком у стрелковой ячейки, но Семенов свою уволок, да и у Жанаева сохранился миномет-лопата, так что выкопать могилу для командира было просто. Сменяясь, вырыли в рыхлой лесной почве соразмерную с маленьким лейтенантом могилу, аккуратную, уважительную. Постояли, помолчали. Потом Семенов деловито снял с уже холодной руки тикающие часы — тяжелые, увесистые, с откидной решеткой вместо стекла, чтоб в темноте можно было на ощупь, потрогав стрелки, понять, сколько времени. Стянул хромовые сапоги, такие маленькие, что впору было женщине носить. Еще остались от командира в наследство фуражка, ранец с личными вещами и кожаная планшетка. Да еще устный приказ этого чудика пасти и охранять. Пока не подвернется грамотный человек, который, может, что полезное и узнает. Сам Семенов сильно сомневался в этом, больно уж видок у клоуна был нелепый. Артист, наверное.

Петров стал было класть на дно могилы свою шинель, но Семенов его остановил: наломали и нарезали ножиком еловых лап и березовых веток, хорошую подстилку сделали, как для живого постарались. Аккуратно уложили на ветки легкое тело, накрыли лицо фуражкой. Все-таки получалось как-то нехорошо, не такой человек был Уланов, чтоб его хоронить, как по старому проклятию, где ни дна ни покрышки желают, но гроб в лесу взять было негде, а шинель нужна была живым — ночи уже холодные. На покрышку пустил Семенов свою шинельку, рваную до безобразия. Да и то под укоризненным взглядом Петрова рукава от нее оторвал. Ну городскому не понять, а из рукавов решил Семенов сделать чуни для клоуна. Лапти лучше было бы сплести, дело в общем недолгое, только вот лип рядом Семенов не видал, лыко драть не с чего, а из бересты плести сложнее, да и тот же кочедык сначала вырезать надо, колодку какую-никакую сделать. Не до того.

Бросили по горстке земли в могилу и засыпали ее, сделав аккуратную насыпь. Обхлопали лопатками, подумали, как от-

метить. Обстругали две палочки, связали нитками, и самодельный крест воткнули, как положено. По военному времени, да еще и в окружении, не так уж и плохо получилось.

Вещичек у командира оказалось совсем мизер — белье ушло раньше на перевязки, жратвы, разумеется, не было, нашлись старенький свитер, наставление по стрелковому делу, полурастрепанный устав, несколько карандашей, тетрадка с разными хоззаписями без половины страниц и полупустой кисет. Самое ценное кроме кисета — еще ножик складной, острый, старенький, но ухоженный и наточенный. На самом дне ранца нашлись еще плащ-палатка и противоипритная накидка из промасленной бумаги. Жаль, раньше не отыскались — шалашик для раненого был бы уютнее. Еще в кармашке ранца были початый «мерзавчик» с водкой и завернутая в вафельное полотенце бритва «Золинген».

Теперь надо было решать — куда и как двигаться дальше. Поделили вещи: ранец забрал себе Петров, плащ-палатку на вернули на Леху, чтобы не так мерз и не отсвечивал в лесу дикими расцветками своей одежки, карандаши и тетрадку вместе с сапогами и часами прибрал хозяйственный Семенов — он в этой маленькой группке был вроде как старшиной, а планшетку взял себе Жанаев, ранее забравший и карабин умирающего. До того был он вооружен тридцатисемимиллиметровым минометом-лопатой, чудом какого-то умника-конструктора, и в бою весь носимый на себе запас мин выпулил, оставшись практически безоружным. Потому, когда стало ясно, что взводный уже свой карабин в руки не возьмет, Жанаев коротышку легонькую забрал себе. На кой черт ему еще и планшетка — никто спрашивать не стал, потому что внимание отвлек этот самый клоун из будущего — неожиданно его начала колотить крупная дрожь и он сел, где стоял.

Петров в очередной раз удивил Семенова, неожиданно дружелюбно накинув на плечи трясущегося в колотуне Лехи свою шинелку и начав успокаивать клоуна, говоря вразумительным голосом и довольно убедительно всякие подходящие утешения. Выглядело это так, будто Петров — дока в этих делах. И, пожалуй, Семенов не стал бы вмешиваться, если б не видал своими глазами совсем недавно, как покойный ныне Уланов действовал в такой же ситуации. Авторитет умершего взводного для бойца был незыблем, потому он решительно отстранил своего товарища, удивленно посмотревшего на него снизу, рывком вздернул Леху за плечи так, что тот поневоле встал

стоймя, и затряс страдальца как грушу, одновременно свирепо и громко спрашивая:

— Можешь трястись сильнее? Ты меня слышишь? Ты меня понимаешь?

И Петров и Жанаев оторопело таращились на Семенова. У Жанаева даже самосад посыпался из недозаклеенной самокрутки. Леха попытался было отвечать, но от тряски у него аж зубы лязгали. Наконец он злобно отпихнул вцепившегося в него Семенова и толкнул его в грудь.

Боец не обратил на это внимания, а приказал горемыке присесть. Теперь уже трое таращились с удивлением, но тем не менее Леха присесть начал. «Плохо приседает, — отметил про себя Семенов, — старшина Карнач такие приседы в зачет бы не посчитал», — но все-таки приседал.

Первое обалдение прошло, Жанаев суетливо и бережно стал подбирать рассыпавшиеся табачные крошки, Петров закрыл полуоткрытый от удивления рот, а Семенов, тоном учителя растолковывал приседающему и одновременно дрожащему Лехе, а заодно и своим приятелям свои действия:

— Когда человек волнуется, у него в кровь такое вещество попадает — орденалин! И если человек вот так задрожал, то надо, чтобы он дрожал сильнее и вообще работал мышцей...

— Какой мышцей? — удивился Петров.

— Ну всей, какая есть, — гордо ответил знаток человеческой физиологии Семенов.

— Ишь ты... Вумный як вутка. Только не летаешь, — буркнул Петров.

— Это мне Уланов рассказал, — заткнул сослуживцу фонтан Семенов.

Против авторитета покойного взводного Петров возникать не стал: сидел, помалкивал.

— Так вот ты, Леха, должен присесть, пока дрожь не кончится. Тогда, значит, орденалин в тебе кончится, и мы тебя спать уложим, а я тебе еще и водки дам пару граммук. Только ты уж соберись — идти далеко надо будет, пока к своим выйдем.

— Адреналин, — пропыхтел наконец первое слово приседающий.

— Вот, Петров, а ты мне не верил! — укорил сидящего бойца Семенов.

— А если б спать сразу уложили? — все-таки огрызнулся Петров.

— А тогда у него могло бы сердце остановиться, и он бы по-

мер. Уланов говорил, что у них так еще в Империалистическую солдатик один помре. Тоже после боя его заколотило, его уложили, шинелками накрыли — а он потом и не проснулся. Вот фершал им и растолковал, что да как. А я видел, как сам Уланов тетку на станции успокаивал — ее тоже колотун тряс. Он мне тогда все и растолковал как есть, — гордо закончил Семенов.

Крыть Петрову было нечем, да и Леха трясся уже куда тише. Наконец эта пляска святого Витта с приседаниями кончилась, и обессиленный гость из будущего сел на траву.

— Водки выпьешь? — спросил Семенов, с неохотой доставая «мерзавчик».

— Молока лучше... — пролепетал голодный и обессиленный Леха.

— Молока — это мы мигом, — отозвался Семенов и кивнул Петрову.

Тот передал каску с надоем и поддержал ее, пока Леха пил. Сам бы клоун ее точно сейчас уронил — ручки-то и так не сильно шибкие у него, да еще и ослабел. Потом Леху совсем развезло, ему помогли добраться до лежбища Семенова, где потомок свернулся клубочком и вырубился.

— И что теперь делать будем? — задал в воздух вопрос Петров.

— Я буду чуни для этого дурня шить. Потом двинем на восток к своим. Лучше по лесу, на дорогах германцы сигают. Найдем кого старше званием — сдадим ему этого корешка, пусть разбираются.

— Может, сами поспрашиваем? Вдруг чего полезного расскажет? — не утерпел любопытный Петров.

— Вот сомневаюсь я сильно, — проворчал Семенов, поглядывая на похрапывающего уже Леху. Блестящий исход лечения как-то сразу задвинул Петрова на задний план, и Семенов уже и держался по-другому, уверенно. Не так уж Петров и страшен, в конце-то концов, разве что язык хорошо подвешен.

— Думаешь, что без толку? Не знает ничего полезного?

— И это тоже. Опять же — а вдруг он что расскажет, что нам знать не положено? И будем мы потом все в этом самом. По уши, — рассудительно заметил Семенов.

— Тогда надо, чтобы он к немцам не попал. Что скажешь, Жанаев? — спросил горожанин неподвижно сидящего сослуживца.

Азиат кивнул.

— Ну нам тоже к немцам попадать не стоит. Лучше все-таки к своим.

— Что, так с коровой и пойдем? — перевел разговор на другую тему Петров.

— Чем плохо? Бензина корове не надо, спать теплее, жить сытнее, — вполне серьезно ответил Семенов. Он точно знал, что без коровы в хозяйстве — совсем никак. Ни молока для еды, ни навоза для поля. А тут — хорошая такая корова, справная. Не бросать же! Хотя конечно, к своим ее вряд ли вывести удастся — грохот боя уже не был слышен, да и немцы, которых он видел недавно, вели себя совершенно беспечно, по-тыловому.

— Только идет медленно, как черепаха, — уел крестьянина горожанин.

— Да знаю я. Но вот пока харчом каким не разживемся — только на Зорьку и надежда. От тебя-то, Петров, толку — как от козла молока. Даже мышей ловить не умеешь. Я тебя даже домашним котом бы не признал, только языком ехидничать ты горазд! — совершенно неожиданно даже для себя выдал тираду Семенов.

— Я токарь, мне мышей без надобности ловить. А надо будет — я мышеловку сделаю, на что у тебя ни соображения, ни смекалки не хватит, — мрачно возразил Петров.

— Ладно, буду шить чуни, — миролюбиво отказался от перепалки Семенов, забрал рукава от шинели, тапки Лехи и потребовал у сослуживцев их запас ниток.

У каждого было с собой по три иголки с нитками — одна с белой для подшивки воротничка, одна с черной — для всякого и одна с зеленой — обмундирование зашить. Если порвешь что. Только вот у Семенова с Жанаевым иголки были воткнуты за клапан пилотки, а легкомысленный Петров, кряхтя, выудил из пистон-кармана смертный свой медальончик, как назывался эбонитовый пенальчик с откручивающейся крышечкой — у горожанина в нем вместо свернутой в трубочку записки с его данными лежали как раз иголки. Семенов не замедлил укоризненно на Петрова посмотреть, на что тот хитро подмигнул. Ну да, было такое поверье, что если заполнишь эту записку — так и убьют сразу. Потому Семенов записку не заполнил, так бумажка пустой и лежала, а Жанаев, заядлый курильщик, таскал вообще пустой медальон, бумажку на самокрутки пустив.

Ниток было мало, приходилось проявлять солдатскую смекалку. В итоге получилось такое, что наблюдавший за процессом Петров выразил уверенность, что дрыхнувший без задних ног гость точно свихнется, как только увидит свою «обувку». Семенов спорить не стал, чуни и впрямь получились страхо-

видные. Но зато в них можно было уже идти более-менее, не глядя под ноги. А что касаемо с ума сойти, так в армии на этот счет куда как просто. Да еще и во время войны.

Тут Семенов тихо про себя улыбнулся, вспомнив, когда взводный говорил, что боец и младший командир на войне ничему удивляться не должны и все воспринимать обязаны по-воински, мужественно. И подкрепил это свое высказывание старой историей — как во время войны в их полку тыловик-фельдфебель натурально свихнулся, когда вылез после пьянки из своей каптерки и увидел идущих мимо зеленых лошадей. Ну то есть он не свихнулся сразу, а решил, что допился до чертиков и терять ему нечего, потому продолжил пьянку и вот после этого окончательно вышел из строя. А лошади те и впрямь были зелеными — их покрасили маскировки ради: тогда, в начале той войны, на маскировке все свихнулись и маскировали все что можно. Получалось зачастую глупо — вот, к слову, и лошади подошли. Не перенесли покраски. Оно и понятно — лошадки-то живые, не забор какой. Семенову жаль было этих животных, погибших по чьему-то недомыслию, в этом он вполне кавалериста Уланова понимал. Вот другой пример — когда французы сделали на заводе крашеную стальную копию мертвеца немецкого, здоровенного, взбухшего от гниения прусского гренадера, валявшегося на нейтральной полосе в важном месте, — этот да, впечатлил. Стальной футляр, выдерживавший попадание винтовочной пули, французы доставили на передовую, ночью выволокли гнилой труп, а на его место установили подменку, в которой прятался тшедушный французский арткорректировщик с телефоном. И такая штука сослужила добрую службу, позволив французской артиллерии разносить все, что надо, быстро и точно — глаза-то у нее были совсем близко от целей.

Менеджер Леха

Когда Леха проснулся — все тело болело и ныло. Сон приснился дурацкий: словно он попал в прошлое, как какой-то идиот-попаданец, и его захватила в плен группа советских солдат. Да такой реальный сон, чуть ли не с запахами, логичный, связный, в пору другим рассказывать. Давно такие красочные сны не снились. Все же пить не надо на ночь, это вредно. Потом такие сны снятся... Леха потянулся, скинул с себя одеяло. Широко зевнул, протер заспанные глаза — и ужаснулся. Трое солдаперов. Свежая могильная насыпь, пальто это военное

вместо одеяла... Ни фига не сон. Чистый реал. Леха вздрогнул. И стало очень тоскливо, так тоскливо, что в животе забурчало.

Один из солдат — тот, что дояр, — поднялся, подошел поближе и кинул Лехе два каких-то серых кулька.

— Примерь, — сказал он.

— А это что? — опасливо посмотрел Леха на странные кули.

— Обувка тебе, чуни называются, — пояснил солдат.

Чуни оказались такой обувью, что любой дизайнер бы удавился. Гуччи с Версаче в рыданье, иначе не скажешь. Пляжные тапки были вшиты как подметки в мешки из шинельных рукавов. Шедевр неандертальской культуры! Леха осторожно сунул ноги в дырки. Озябшим ступням стало сразу теплее, что как-то примирило Леху с этим рукоделием. Или скорее рукоблудием, больно уж вид был неказистый.

— Они ж с ноги свалятся после первого же шага, — жалостливо протянул Леха.

— А мы, перед тем как идти, их обмотками примотаем — у Жанаева есть запасные, — спокойно ответил дояр, азиат все так же молча кивнул.

— А когда идти?

— Завтра с утра пораньше и двинем.

— А куда?

— К своим, куда еще. Тебя вывести надо да самим вернуться.

— И далеко идти?

— А это ты лучше меня скажешь. Как война-то шла?

Леха тяжело задумался. Нет, он не был совсем уж тупым, помнил, под Москвой немцев остановили, но вот когда... Потом вроде Сталинград был. Берлин точно брали, Леха читал в интернете, что только в одном Берлине наши изнасиловали тысячи немок, значит, город взяли, иначе как бы немок-то трахать... Пипец какая дурь в голове крутится...

— Не помню я, — вздохнув, признался Леха.

— Вообще ничего не помнишь? — недоверчиво спросил злобный боец. Впрочем, сейчас он был скорее не злобным, а озабоченным.

— Ну кое-что помню. Немцев под Москвой разгромили, а потом в Сталинграде.

— Ничего себе, куда забрались, — присвистнул злобный.

— Это где? — проявил свою малограмотность дояр.

— Дярёвня, — передразнил того злобный, — бывший Царицын. На Волге.

— А!.. — воскликнул дояр.

— Толку нам мало, до Москвы-то... Вот если б ты знал, что тут делается или будет делаться вот прямо сейчас... — намекнул злобный.

— Ну тут партизаны будут потом. — Тут Леха вспомнил жуткий фильм, который, было дело, смотрел, скачав с торрентов. — И каратели будут деревни с жителями жечь, — закончил он.

— Ну а ты кем там работал-то? — спросил заинтересованно дояр.

— Менеджером. В офисе.

Оба красноармейца переглянулись: видно было, что не поняли.

Леха, как мог, объяснил.

— Делопроизводитель в конторе, — резюмировал злобный, несколько свысока и презрительно хмыкнув.

Леха не стал спорить зря, хотя такое определение его покорило, больно какое-то оно было убогое. Про то, что еще и продавцом подмолачивал, почему-то говорить совсем не хотелось.

— Ну что вы на меня так смотрите, — не выдержал он, — сами небось, попади в мою шкуру, не лучше бы смотрелись.

— Это ты в смысле чего? — удивился злобный.

— Ну какая война была семьдесят лет назад? — перешел Леха в наступление.

— Империалистическая.

— Первая мировая. И она, считай, всего тридцать лет назад, — поправил его злобный.

— А до нее — турецкая была, — сказал колхозник.

— Вот. Вот и прикиньте: если б вы там оказались — что бы вы смогли полезного рассказать?

Оба бойца, не сговариваясь, почесали в затылках. Жанаев ухмыльнулся.

— Это ты нас уел, — признался злобный.

— Ну я мог бы устройство пулемета рассказать. «Мосинку» опять же, как-никак магазинная винтовка в то время была бы ко двору... — начал загибать пальцы колхозник.

— Я бы, пожалуй, по станкам мог бы поговорить. И электричество знаю. Телеграф там, телефон. Опять же все покушения на Александра Освободителя помню.

— За царя, значит, а еще комсомолец, — ехидно прищурил ся колхозник.

— Тот царь полезный был — вас же, балбесов, освободил! — вспыхнул злобный.

— Ну если так, то и я, может, чего полезного скажу... — заметил Леха.

— Ладно. Тогда думай, что можешь полезного рассказать. Нам пока, видно, твои рассказы толком ничего не дадут, — сделал вывод дояр.

Боец по фамилии Жанаев тем временем стал устраивать лежанку, застелив ветки плащ-палаткой. Улеглись вчетвером, накрывшись шинелями. Было тесно, неудобно и, несмотря на напыленные чуни, — холодно ногам.

Боец Семенов

Утром пришлось вставать ни свет ни заря — притулившаяся сбоку корова поднялась на ноги и ясно дала понять, что пора ее доить. Поеживаясь от холода и отчаянно зевая, Семенов подоил ее, позавтракал молоком от пуза и опять нацвиркал полную каску. Разбудил Жанаева, тот тоже приложился. Стали собираться. Петров присоединился, только гость из будущего спал как сурок. В общем, предстояло довольно хлопотное дело — во-первых, корову надо было напоить, значит, надо искать водопой с удобным подходом. Во-вторых, надо добраться незаметно до какой-либо деревушки, в которой нет немцев, и устроить обмен, чтобы избавиться от коровы и запастись жратвой. Конечно, с такой коровой расставаться было жаль, но животина эта не выючная, не беговая, ходит медленно... Да и хлеба с кашей уже сильно хотелось: молоко — это замечательно, но чуток не то для мужиков. Брюхо как барабан, а жрать все равно охота, хоть и не так резко, как без молока. Перед выходом, пользуясь тем, что жиденький туманчик стоял в лесу, — развели аккуратный незаметный костерок в ямке с поддувом — и пожарили мясо на палочках. Соли не было, посыпали пеплом. Жанаев сожрал спокойно, Петров носом крутил и почему-то вспоминал броненосец «Потемкин»¹, выразительно на Семенова поглядывая, но тот намеков не понял, потому что не до того было. Мясо, конечно, было не очень аппетитным, но в желудок улеглось весомо и плотно. Назад не попросилось. Собрали вещи, постояли у могилы командира и решительно разбудили Леху. Азиат выдал ему свои запасные обмотки, и совместными усилиями потомка обули. Видок у него был жалост-

¹ Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» — первый случай вооруженного мятежа целой воинской части в ходе революции 1905 — 1907 гг. в России. Начался стихийно из-за некачественной пищи — в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» (1925 г.) это было червивое мясо.

ный и убогий, оставленное ему мясо он понюхал брезгливо и отказался, молока зато напился вдосыт.

— Как молочко? — невинно спросил Петров, очевидно готовя очередную ехидству, но Леха простодушно признал, что такого вкусного молока давно не пил. То есть так давно, что вообще. Токарь помотал головой, но от нападок воздержался.

Глянули последний раз на полянку — не забыли ли чего — и двинулись по лесу. Семенов — как и положено человеку в лесном деле сведущему — впереди, следом Петров, корова, Жанав с прутиком и замыкающим Леха. Через несколько часов неспешного пути наконец попался подходящий ручеек, Зорька радостно кинулась пить воду, остальные устроили привал.

Семенов поглядел на своих товарищей и решил, что стоит ему не сидеть тут, глядя, как корова пьет, а пройтись кругом, поразведывать, что да как. Предупредил бойцов, чтобы поглядывали и не дремали оба сразу, и пошел.

Нашел разьеженный проселок, но следов от шин на дороге было полно разных, а кто тут на шинах кататься может — ясно сразу. И точно, только перемахнул через дорогу — затарахтел мотор, и по дороге прокатилась странная машинка с тремя немцами — словно как корыто на колесиках. И даже весло у них было сбоку приторочено! Петров все время ехидничал на тему того, что Семенов из деревни, но машины Семенов видал разные, а такой не видал ни разу. В общем, по этой дороге идти не хотелось. Дал от греха подальше приличного кругаля в другую сторону, влез в болото какое-то, промок до пояса. Пока выжимал одежду и на скорую руку сушился на солнышке — решал, стоит ли все-таки туда лезть, потому как заметил он там нечто странное — словно бы белело что-то, причем большое, сквозь ветки пробивалось. Решил, что стоит все-таки, не бывает в лесу белого в таком размере. Выломал себе жердь — чтоб дорогу щупать перед собой — и полез снова.

Болотце оказалось неглубоким, а белым оказался парашют, зацепившийся за верхушки малахольных елок, торчащих из этого болотца. Уже представляя, что найдется на конце этих веревок, которые тянулись от опавшего шелкового купола в болотную водичку, Семенов потянул за стропы; пошло тяжело, и метрах в трех от него из воды грязным бревном высунулась лысая голова. Впрочем, нет. Не лысая, это шапка такая кожаная, гладкая. Летчики такие носят. Понятно, в общем. Семенов отпустил стропы, мертвец тихо исчез в взбаламученной воде, но теперь найти его было несложно. Оказался наш, старшина ВВС. Что особенно заинтересовало Семенова — га-

баритами покойник был точно как Леха. Повезло, что называется. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Натянул свою волглую от воды одежду и двинул дальше. Скоро свезло и второй раз — опять попалась дорожка, только на этот раз малоезженная, из следов — только тележные. Да и тех мало, значит, деревушка такая плюгавая, что германцам не интересно. Вот и ладушки. Все-таки подобрался поближе, поразглядывал. Все так, немцев нет, а сама деревня — смех один. Прикинул, в какой дом постучится вечером, оценил, как подходит толковому красноармейцу, пути подхода и отхода и довольный двинулся обратно...

В лагере все было по-прежнему, Зорька старательно пережевывала жвачку, Жанаев приглядывал за порядком, а вот Петров и Леха ожесточенно о чем-то спорили. Семенов сел рядом, вытянул ноги и попытался вникнуть в разговор. Но сразу понял — не понимает ни черта. «Телевизор», «компьютер», «адаптор» и прочие такие же совершенно непонятные слова так и сыпались из Лехи, и Петров, к огорчению Семенова, даже вроде что-то понимал в этом. Потому как сказал словно отрезал:

— А толку? Ты знаешь, как они работают и что нужно, чтобы их сделать? Вот если тебя директором завода поставят? И чтобы они работали потом, как ты рассказывал. Изобретатель-то в Америке... Ты его оттуда в мешке привезешь?

Леха вроде как собирался что-то сказать, но закрыл рот и как-то сник. Петров махнул рукой и посмотрел на вернувшегося из разведки сослуживца.

— Как оно ваше ничего? Жрать добыл?

— Тебе бы все жрать, утроба ненасытная. Я вот нашему гостю ботинки нашел качественные и одежду справную. И деревенька неподалеку подходящая.

— Деревенских раскулачил? — усмехнулся Петров.

— Ты о чем?

— О ботинках и одежде, — продолжил лыбиться горожанин, хотя и знал, что для Семенова тема раскулачивания была неприятна.

— Там увидишь сам. Зорька напилась?

— А то! Как насос работала, не пойму, куда в нее столько влезло. По моим прикидкам, на двухсотлитровую бочку накачала.

— Не, литров пятьдесят — сто самое большее...

— Это ты серьезно? — удивился Петров.

— Конечно. Она, считай, только молока литров двадцать дает. Вот и прикинь, сколько ей воды надо.

— Плетешь! Не было у нее двадцати литров.

— Сейчас да — и некормленная, и непоеная шаталась, да еще и напугали ее. А так — двадцать точно даст. Ладно, не о том речь, пошли, нам еще топать и топать.

Собрались быстро и пошли. Семенову очень не нравилось, что потомок носом шмыгает. Не очень, видать. ночевка в лесу понравилась. Это и понятно, ночи уже холодные. Зато поэтому комаров меньше стало, а этот, из будущего, к комарикам непривычен. Видимо, там, в будущем, комаров извели на нет вообще. Совсем вплотную к болотцу Семенов решил всей командой не идти. Остановились в полукилометре, выбрав удобную для привала полянку.

— Слушай, Семенов, надо бы насчет коровы пару моментиков обсудить, давай-ка мы к ней подойдем, — сказал Петров, поднимаясь с земли.

Недоумевая, что это вдруг такое насчет коровы зачесалось у городского, Семенов отошел к мирно жующей Зорьке. Петров встал спиной к сидящим спутникам, показал пальцем куда-то корове в ухо и сказал довольно громко:

— Значица, у этой твоей Зорьки есть такая вот вещь...

И уже тихо, шепотом почти, подмигнув со значением, продолжил:

— Этот гусь дурак дураком, нарасказывал мне тут такого, что как бы нас с тобой за цугундер не взяли, когда к своим придем. Паршиво выходит, совсем паршиво. И к немцам нельзя чтобы попал — он, конечно, балбес и ни черта толком не знает, но нельзя, чтобы он у них трепался...

— Да брось ты, нормальная корова! Ты в них ни черта не понимаешь! А туды же, умничаешь вот! — возмущенно ответил ему Семенов и, убавив голоса, спросил встревоженно: — А что он тут тебе такого нарасказывал, пока я отсутствовал?

— Долго объяснять. Если коротенько — коммунистическая партия продана англичанам с американцами, и Советский Союз продали с потрохами. И про Сталина такого нарасказывал, что сидеть не пересидеть, если что. И хорошо еще, если сидеть только... Может, мы этого фрукта чпокнем тихо? Пользы от него куда меньше, чем вреда будет. Я таких знаю.

Семенов задумался. Поглядывая на корову. На Петрова. На Леху. Потом решительно сказал:

— Нет, не годится. Взводный ясно приказал — к нашим доставить. Понимаешь, тут такое дело — я не знаю, что он полез-

ного сказать может. И расспрашивать его не собираюсь. Да и тебе не советую. Спросят: говорили с ним о чем-либо? А мы в ответ — никак нет. Ни о чем не говорили.

— А тебе так и поверят, держи карман шире, — хмыкнул Петров.

— Ну там видно будет. Да и просто так человека гробить, ни с того ни с сего — не дело. Может, он вообще твой правнук, — сказал колхозник.

— Фамилия у него не та, — ухмыльнулся мрачно токарь.

— А ты, может, потом дочку родил. В смысле не ты, конечно, но, в общем, и такое может быть. Или там от внучки... Пойдем пока утоплого старшину укушим, — предложил Семенов.

— А этот барин что? — показал глазами на выдохшегося от похода по лесу потомка Петров.

— Не стоит. Потом сам увидишь, — негромко ответил колхозник. И двинулся к болотцу.

Разделись, полезли, чертыхаясь, в холодную темную воду.

Когда бойцы вытащили тяжелое мокрое тело на твердый бережок, Петров осторожно плюнул в сторону и согласился:

— Да, он бы тут обрыгал все, как мой сменщик после первой полочки...

— А что — отравился чем? — поинтересовался походя Семенов, прикидывая, как сподручнее будет стянуть одежду с трупа.

— «Ершом» угостился, а сам пацан еще, только после фабрично-заводского — фабзяц, одно слово — вот и развезло... Гляди-ка — пистоль есть, — и небрежливый Петров начал растегивать глянцеви́то блестящую, набухшую водой кобуру. Семенов покосился на него, но ничего не сказал, аккуратно укладывая местами подмокшее шелковое полотно парашюта, дивясь на роскошную дорогую тонкую и легкую ткань и на отличные веревки строп. Вот в хозяйстве бы пригодилось и то и другое — и рубашки и платья отменные пошить, сносу б им не было, а уж крепкая веревка для крестьянина — первеющее дело, всегда пригодится. Семенов из дома никуда без веревки не выходил. Без веревки и ножика.

— Невезуха, — огорченно цыкнул ртом Петров и кинул пистолет в траву.

— Что такое? — спросил его Семенов.

— Гнутый. Ни взвести, ни обойму вынуть. Не пистоль, а стоп-машина. Ну да понятно. Хорошо землячка обо что-то

приложило — стал как мешок с костями, вон и ноги перелома-ны...

Ноги у покойника и впрямь лежали так, словно в них добавилось еще несколько суставов. Но это-то еще ладно, вот то, что половина лица была снесена напрочь, и потому скалился мертвец жутковатой улыбочкой, действовало на нервы сильнее.

— Прямо как Габайдуллина распотрошило, — сказал Петров и стал расстегивать хитрые лямки от парашюта.

— Габайдуллина — взрывом, — заметил Семенов.

— Так и этот тоже под взрыв попал, наверное.

— Белье снимать не будем?

— Обойдется... правнучек... Ты б его послушал, обормота. Носки оставим?

— Оставим. А слушать... Не хочу я его слушать. Мне он полезного ничего не расскажет. А кто там наверху кого подси-дел — мне это знать ни к чему. Здоровее буду.

— Ишь ты какой. Умный, — иронично-уважительно протянул токарь.

— А люди везде одинаковы. У нас так три председателя колхоза поменялись — все друг на друга в район письма писали. А сядет новый на стул председательский — на него пи-шут, — немного путано пояснил Семенов, но Петров все по-нял, кивнул.

— Интересно, каково оно — носить шелковые портянки? — спросил, помолчав, Петров.

— Не знаю, — отозвался Семенов, вспомнив, что когда ба-бушка рассказывала сказки, то в сказках этих цари все носили именно шелковые портянки. Для Семенова с детства это было символом сказочного богатства; впрочем, для бабушки, видно, тоже.

Петров примерился и, достав полученный по наследству ножик, стал кромсать парашют.

— Ты что, слурел? Это же военное имущество! — испугался Семенов.

— Не бойсь — правнучек-то хоть и чушь всякую нес, а вот про то, что сюда мы вернемся еще не скоро — то ли через год, а может, и через три — это точно помнит. На войне и год-то мно-го. Ты-то зачем это полотнище из болота выволок? Тут наших интендантов нет. Небось намылился на сало обменять, а? — пояснил свои действия Петров.

— А хоть бы и так, — буркнул Семенов, — ты что-то против сала имеешь?

— Ты что, никак нет, ничего против сала не имею, всегда «за», причем обеими руками, — дурашливо изобразил крайний испуг горожанин, задрал вверх обе лапы.

— Ладно тебе балаганить, нехорошо это, при покойном-то, — осуждающе заметил деревенский.

— Ему уже все равно. Как — обратно в воду спихнем? Или все же похороним?

— Похороним. Нет?

— Отчего ж не похоронить хорошего человека... Давай начинай, я подменю.

Рыть получилось недолго — вода была совсем близко, и ямка вышла неглубокой, на дне сразу стала наливаться лужица, сочилась водичка и с боков ямки. Нехорошо, конечно, что лег старшина опять в воду, но по сравнению с очень многими, погибшими в эти окаянные дни, даже это погребение выглядело почти по-человечески. Петров удивил — поднял брошенный пистолет — действительно сильно погнутый, заметно было простым глазом — и аккуратно положил мертвецу на грудь. Накрыли разбитое лицо лопухом и засыпали неизвестного парня, от которого остались только парашют, казенное обмундирование, ботинки, ремень с кобурой да горстка мокрых бумажек — пять червонцев, два билета в театр на довоенное еще воскресенье да какие-то справки, на которых все написанное размылось и было нечитаемым. На минутку Семенов задумался — ему хотелось положить кожаную шапку летнюю на могилу, но решил этого не делать — и шапка была нужна живым, и мертвому эта почесть была без толку. По-быстрому простирнули вещички. Старательно обнюхали. Нет, ничем не пахло, кроме болота.

И молча вернулись обратно.

Семенов деловито развесил мокрые одежды на ветках так, чтоб просохли, ботинки на колышки повесил и стал собираться для выхода в деревню. Решил сначала сходить налегке, взяв с собой только винтовку и сапоги взводного. Если все заладится, то можно потом всей артелью заявиться, с коровой вместе, там, глядишь, и переночевать по-человечески пустят, а не заладится — удирать так проще. Подумав, взял с собой сырые купюры: война войной, а деньги — они все-таки деньги.

— Тебя проводить? — спросил Петров. И пошел следом.

За прошедшее время он уже стал обстрелянным бойцом и понимал, что вдвоем идти безопаснее. Семенов мимолетно подумал, что, видно, чешется язык у Петрова, раздувает его то,

что он от потомка этого нелепого услышал, а вот Семенову совершенно не хотелось про чужие тайны слушать, тем более что тайны-то эти были опасны.

В отличие от Петрова, которому жизнь еще по хребтине не хлестала, сам Семенов успел хлебнуть лиха — семью его раскулачили аккурат в самом начале коллективизации. И все из-за деда, который неумно хотел выбиться в купцы гильдейские, для чего ему, крестьянину, надо было скопить весьма приличную сумму денег. Ради этих денег дед всю семью поставил на уши, работали Семеновы как одержимые, начиная работу раньше всех и кончая позже. Дед еще и лавочку у себя в избе открыл и торговал всякой всячиной, благо в деревне больше лавок и лабазов не было. И потому в любое время суток в окошко стучали — и дед вскакивал продать даже и стакан семечек или полфунта леденцов с красивым названием «Ландрин».

Копеечка к копейке копил и копил, старый скопидом, а денежки прятал в известном только ему месте. Кончилось все паршиво — когда в далеком Петербурге царя свергли, так и не ставший купцом третьей гильдии старый честолюбец свалился от удара, онемев и став параликом. Прожил после еще несколько лет, лежа лежа. Семья по инерции работала все так же одержимо, только времена настали странные, нелепые и весь этот труд толку не давал. Одна радость, что в городах жили еще хуже. А потом пришла коллективизация, и старших Семеновых сослали, а младших соседи у себя спрятали. Семенов так и не перестал удивляться тому, что одни соседи бегали-искали по деревне его с сестричками, чтобы и детей сослали к черту на рога, а другие соседи, вишь, спрятали и помогли потом перебраться к родичам, которых раскулачивание стороной обошло. На счастье Семеновых, вскоре вышла в газетах известная статья самого Сталина про головокружение от успехов, и некоторое время спустя отец с матерью из ссылки возвратились. Бабушка там осталась, в ссыльном поселении, потому как померла. Имуущество, правда, соседушки не отдали — а в ходе раскулачивания только часть добра колхозу пошла, всякое шмотье и обувь доброхотам-соседям досталась, и некоторых из них, на мстительную радость вернувшихся Семеновых, позже тоже раскулачили.

Некоторое время пожилы лишенцами, потом потихоньку все на круги своя возвратилось, а несколько лет назад в ставшей уже колхозной конюшне детишки нашли клад — сумку старого Семенова с сотенными — «катеньками», как называли взрослые царские еще, вышедшие из употребления деньги. Де-

тишки потом долго этими деньгами играли. Устраивая магазин, где продавали друг другу всякую ерунду типа листиков лебеды, пучков травы, кучек песка и прочей такой же фигни, что в их фантазиях было всяким вкусным, сладким и горожанским. «Старый дурень лучше б золотом копил» — в сердцах сказал на эту находку очередной предколхоза. Менялись они часто, словно в какую-то странную чехарду играли. Дела у колхоза тем не менее шли уже получше, чем раньше, и как раз перед войной стало казаться, что еще немного — и совсем хорошо жить станет. Но вот грянуло — и о хорошей жизни теперь можно забыть надолго. Но то, что всегда может стать еще хуже, Семенов четко усвоил и не хотел себе неприятностей искать.

С другой стороны, взять и просто так пырнуть штыком этого свалившегося ему на голову недотепу рука просто не поднималась. Ну как деревенского дурачка обижать. Хотя слюняем Семенова никто бы не назвал — и до армии он совершенно спокойно резал куриц, мог и поросенка уработать вплоть до разделки, а в армии стал пулеметчиком, чем втайне гордился. Другие гордились хлебными местами типа кладовщиков или там хлеборезов, а Семенов гордился именно тем, что ему доверили сложную и серьезную машину, с которой он один был по силе, как цельный взвод. Ну может, и не взвод, но уж отделение — точно. И в тех трех боях, где от полнокровной роты остался пшик, пулемет Семенова себя показал достойно. Не задарма рота погибла, ответно кровушки тоже пустили не хило. Просто силы с той стороны перло чудовищно много. Но одно дело ловить в прицел фигурки злого, непривычного цвета, а другое — такой вот клоун, который явно маменькин сынок, бабенькин внучок. Как он тогда на дороге от трупов-то шарahalся! Опять же Уланов зря бы приказ не дал...

— И вот зачем ты мне про внука сказал! — достаточно сердито буркнул идущий рядом Петров.

— А что? — удивился Семенов.

— Да ну... Как подумаю, что от меня такая слякоть заведется... так и неприятно. А шпундель этот опасен. Это он с виду такой, мля, а вот погоди — еще меня вспомнишь.

— Да брось... Ты вон раскиснуть боишься, родственные чувства ощущая. Нет? — ухмыльнулся Семенов.

— Ну и это тоже, — нехотя признал токарь.

Менеджер Леха

Насморк замучил. Тем более что поболеть должным образом — как это можно было сделать в оставшемся черт знает где

будущем-прошлом, было невозможно. Не поваляться в уютной постели под пухлым одеяльцем, не шибко страдая от хвори и одновременно тихо радуясь, что не надо вставать утром и переть на работу. Какая к черту постель — от ночлега на ветках в виде матраса и с шинелью вместо одеялка ломило все кости и тупо болели все мышцы. Ни чаю с лимоном, ни теплой ванны. Мама поила горячим молоком... Ну молока-то сейчас было полно, но хоть и вкусное и теплое — а никак толку от него не получалось. И даже нос было нечем вытереть — эх, бумажные нежные салфетки, где вы? Леха всерьез страдал — от всего этого неудобья, от холодрыги ночью, от комаров днем, от диковинных «тухель», как иронично окрестил чоботы из шинельных рукавов ехидный солдат по фамилии Петров. А тут еще и сопли вожжой. И нос распух. Очень хочется все время жрать. Пельменей бы простых сюда хотя бы. Или «Доширака». Только чтоб горяченького чего, а то от молока пузо барабаном, пучит-дует. Но с этим проблемы. Жратвы нет совсем. И неизвестно, когда будет. И еще вопрос, что это будет за жратва.

Трое спутников как-то переносили все это достаточно спокойно, как дикари какие-то. Даже зловещего вида мясо сожрали, которое откуда-то приволок этот дояр-колхозник. Воняло мясо падалью так, что и опухший нос учуял. А они ничего — пожарили на костерке и без соли слопали. Ну чисто дикие люди...

Опять же очень неприятно было то, что они все время ожидали от него, от Лехи, каких-то невиданных откровений и суперзнаний. Особенно донимал злобный Петров. Леха четко чувял — этот его невлюбил сразу. Сталинист, наверное, да еще и коммунист упертый, вероятно. То-то он так разволновался, когда Леха спроста рассказал то, что слышал о причинах распада СССР. Зря, наверное. Особенно про репрессии и про Берию со школьницами. Про это — точно зря. Не подумал. Хотел-то как лучше, тем более еще в школе учителя толковали, что Сталина все ненавидели, многие были репрессированы, СССР развалился потому, что никто не хотел из его граждан, чтобы это уродливое образование существовало дальше, все хотели свободы и благополучия с демократией.

Наоборот, думал, что это порадует ребят, ведь злодеяния прошлого оценены в будущем по заслугам. Теперь явно себе врага нажил. Еще хорошо, что догадался на их попреки спросить: а будь они на его месте и попади они сами лет на семьдесят назад — чем бы они там были полезны? Остыли эмоции, да. Но сам-то Леха понимал, что ему сказать нечего. Попытался

было этому Петрову рассказать про телевизоры и компьютеры. Не получилось. Не потому, что тот не понял рассказанного — понять-то понял, да взъелся на то, что Леха не может внятно объяснить — как они делаются, эти новые девайсы. Вот прямо начиная с теории и с сырья. Силициум, Кремниевая долина — пустой звук¹... Леха неплохо разбирался в компах, вполне мог и программу поставить и узел заменить — ну не совсем лопух. Но как вся эта байда работает? Сам Леха думал, что знает. А вот рассказать оказалось невозможно. Про космос и спутники тоже не заладилось — как только Петров стал выспрашивать, на каком топливе вся эта лабуда взлетает. И про мобилы вяло вышло. Пес его знает, как эта вся роуминговая система работает. А про фаст-фуды и бомж-пакеты Леха и сам понял, что не надо.

Теперь сам себе он задавал вопрос: а что он вообще может рассказать? Ведь ясно было сказано — его должны доставить к вышестоящему субъекту, чтоб тот разобрался. И с чем тот будет разбираться? Ну расскажет Леха, что автомат Шпагина стал легендарным оружием. Так они это и сами знают. Или что винтовка Мосина всю войну прошла. И что в этом полезного? Про тот же Сталинград Леха помнил, что там немцы конкретно попали, но было это в сорок втором или сорок третьем году — ни за что бы не смог сказать точно. Опять же — что проку? Никакого проку, как в прогнозах Павла Глобы. Виденное в кино тоже никак не годилось. Ну расскажет он, что готовили НКВД детей-камикадзе. И что с того? Или что немок насильовали всех подряд. Это никого сейчас не парит, до тех немок еще тыщи километров. Не, к тому же в кино, бывало, показывали такой лютый бред, вроде танков под парусами и бомбардировок дырчавыми ложками, что даже и инет не надо было читать, чтобы усомниться. Доводилось читать несколько книжек «про войну», но тоже никак не годится. Ну там написано было, что все красноармейцы хотели сдаться немцам в плен и сдавались, как только подворачивалась возможность, — а эти трое, да и их командир сдаваться всяко не собирались, хотя немцы, конечно, оказали бы раненому помощь, и он бы, возможно, выжил.

¹ С и л и ц и у м (*лат.* Silicium) — кремний, химический элемент. Используется при изготовлении микросхем. «Кремниевая долина» (также известная как Силиконовая долина) — технологический центр на юго-западе Сан-Франциско в штате Калифорния (США), отличающийся большой концентрацией высокотехнологичных компаний, связанных с разработкой и производством компьютеров и их составляющих, особенно микропроцессоров, а также программного обеспечения, устройств мобильной связи, биотехнологии и т.п.

Непонятно: вроде же обычная солдатня, пехота... Были б там пограничники — еще куда ни шло.

Эх, попал бы Леха в мир «Варкрафта» — он бы себя куда как проявил бы! Скрафтить что или там подкачаться — у него вполне бы получилось, он даже одно время подрабатывал тем, что качал персов на продажу. И фармил он удачно. И на аукче барыжил ловко и уверенно. Но тут мир вовсе не тот. Куда более жуткий, простой и свирепый. Штычком-то в спину... Неприятно. «Колл оф Дюти»? Вот там есть полезное — амеры в Нормандии высадились. А когда? Трава зеленая была, листья. Лето, наверное. Или во Франции зима тоже без снега? Черт, неясно. И с годом тоже. Там писали на верху экрана даты, но Леха, как нормальный юзер, на это внимания не обращал. Тоска, в общем. Разве что про автомат Калашникова рассказать? Вопрос — а что рассказать? Леха его в руках не держал, а уж чертеж начертить или там принцип разъяснить... Не, как мог, он попробовал — Петров сразу отрезал, заявив, что отвод пороховых газов как принцип действия автоматики как раз был в «дегтяре» этого самого дояра Семенова. И в винтовках Токарева, что были в их взводе. И в чем гениальность? Пес его знает, в чем.

Одна радость, что пронырливый дояр нашел небольшую деревушку, где немцев не было. Деревушка произвела на менеджера тягостное впечатление — полтора десятка народу, куча босых детей. Одеты как с помойки. Заплаты на одежде! И не стильные, дизайнерски разработанные, как на модных трендах, а как попало. Вонь даже сквозь насморк. Лапти! Самые настоящие лапти на ногах у деревенских! А вечером вместо электричества — лучину жгли! Накололи тонких длинных щепок — и палили вместо ламп или хотя бы свечей. Африка какая-то! Хотя в Африке жарко и в лаптях не ходят. Но что хорошо — радушные хозяева оказались, накормили от души, выставили совершенно чужим солдаперам и самогонки мутной, и картошки вареной, и хлеба, и даже квашеная капуста нашлась с луком, чесноком и огурцами. Петров намекнул насчет сала — так и сало нашлось. Все это Леху сильно удивило: чтоб так посторонних угощать? И на вкус все это было вполне съедобно. Надо же, гости дорогие... В его жизни таких гостей пустили бы в пешее эротическое путешествие — а тут вон кормят и спать уложили на сеновале. Сено густо и одуряюще пахло, кололось и мыши попискивали в нем, но зато наконец-то стало тепло, и Леха впервые выспался по-человечески.

А на завтрак дали яичницу. Впервые подумалось, что в про-

шлом тоже жить можно. Хреново, но можно. А еще обещали баньку истопить.

Его спутники уже корячились во дворе — Жанаев как заведенный пилил дрова на пару со стариком, а Петров с дояром и парой мужиков гремели какой-то странноватой ржавой железкой — издалека выглядело так, что они ее чинят. Девтора вертелась тут же, и как только Леха появился из ворот сеновала, как сразу же окружили его и принялись глазеть, выдерживая безопасную дистанцию. Леха хмыкнул про себя — сейчас-то он выглядел вполне себе — вчера ему притащили откуда-то гимнастерку, брюки навывпуск и ботинки — все было почему-то мокрым, но подсохло и стало вполне впору. Теперь пришелец из будущего смотрелся вполне себе пристойно — не то что вначале. Вначале-то он бы этим деревенским устроил бы незабываемое зрелище. Правда, ботинки ноги намяли, и ходить в них теперь было больно, но Леха терпел, надеясь, что разносится обувка. Чуни были в разы хуже, и в них как-то себя было невозможно уважать. А так — даже с распухшим носом — все же вид был почти бравый.

Боец Семенов

Все получилось как нельзя лучше, даже удивительно. Начать с того, что еще на подступах к деревушке встретился толковый пацаненок, потому как хоть и говорил не совсем по-русски, а все было понятно в разговоре. Так и оказалось — немцев в деревушке нет и вряд ли приедут — мостик через топкий ручеек кто-то недавно разобрал, а за деревней дальше лес, тупичок тут, в общем, нечего тут немцам делать. Старший из пятерых мужчин, что тут жили, опять же очень удачно оказался сам бывшим воякой — осел тут еще во время Империалистической, женился, так и жил, часть жителей была теперь его прямой родней. Так что общий язык нашли быстро. Поторговались, конечно, не без этого, но и сапоги и корову Семенов пристроил весьма удачно. Получили и хлеба, и картошки, и сала.

Еще и вечерять посадили как званных гостей, с почетом. Народу набилось — вся деревня считай, благо что маленькая. Ну Семенов с Петровым знали, что такое манеры, держались как подобает, церемонно, сдержанно, Жанаев тоже не подкачал, а вот потомок оплошал — лопал, как свинья, и стаканчик держал неправильно — без оттопыренного мизинца, некультурно. А ему как раз стакан дали, стеклянный, настоящий городской. Остальные-то пили из разномастной посуды, потомка уважили, потому как были на нем летная диагоналевая гимнастерка с голу-

быми петличками и старшинской «пилой» из четырех рубиново-красных треугольничков, хорошие хромовые ботинки и брюки полушерстяные, что для крестьян сразу означало — он тут в группе самый старший. Красавец, как на картинке. Зато потомок пока лопал — помалкивал, и Семенова это вполне устраивало.

Поддерживать беседу пришлось, таким образом, самому Семенову, что он аккуратно и делал, стараясь больше слушать. Хозяин, назвавшийся Евграфом Филипповичем, после третьей чарки сам разговорился, благо нашел свежих слушателей, а вот остальные поскучнели физиомордиями — видно, слышали все это от деда не в первый раз. Дед оказался бравым, Георгиевский крест получившим за захват германского броневика, и по рассказу судя — да, ловко у него получилось: и пулю в смотровую щель водителю загнать, и по люку грохнуть прикладом, и рывкнуть: «Ком хераус!»¹, так что и впрямь оба бронекатчика пошли делать «хераус», заодно отстрелив деду два пальца на руке, а он их в ответ прикладом зашиб. Дед горделиво показывал искалеченную клешню, потом поведал, что попал в эту местность на излечение, а тут и войне конец, и началась «р-р-рэволюционная катавасия», от которой голова кругом пошла. Но он решил в это не впутываться. Повоевал уже, хватит, и потому не ввязывался по возможности в разборки тех и этих, а бегало тут много всяких — не только белых и красных. Вот и остался жив и здоров, а кто драться лез — тут их по лесам и болотам много лежит.

Семенов вежливо слушал, кивал и соображал, что как-то уж очень намекающе речь старика звучит. Не, ну тут понятно — время уборки урожая на носу, сено опять же убирать надо, работы сейчас полно, потому в деревушке лишние руки не были бы обузой. Это-то ясно. Опять же вон молодайка на потомка смотрит зазывно — ясно дело, не прочь бы охмурить и замуж выйти, за летчика-то любая рада, вон он какой сидит пышный и даже «курица» на рукаве золотом вышита... С красным носом, правда, кавалер. Но женщине-то это не помеха — еще и полечит, и поухаживает. Нет, точно глаз положила — как человек опытный и бывалый — как-никак женат уже три года и дети есть — Семенов был совершенно уверен, что томные взгляды молодухи он совершенно правильно оценил. Вот Жанаев спокойно сидел и чинно, не торопясь ел, и на него тарачились только детишки, возможно впервые увидев такого ди-

¹ Выходи! (нем.).

ковинного азиатского человека. Там, где сидел Петров, как раз стало шумно — токарь, накатив на грудь, распустил пышный павлиний хвост из словес, расписывая свои героические подвиги, и вот его внимательно слушали. В общем, застолье шло, как подобает, достойно и приятно. Наконец и потомок набил брюхо и стал не так выделяться своим поведением. Семенов успокоился, только посматривал на деда: мало ли, вдруг затеет старый хрыч послать кого, чтобы новую власть известить, что тут-де окруженцы есть... Оно, конечно, вряд ли. Но бдительности терять не следует. Потому пил Семенов аккуратно.

Надо заметить, что он правильно оценил поведение своих товарищей — Жанаев действительно чувствовал себя отлично. Его накормили, и никто не трогал. Но вот чего не представлял себе наблюдательный Семенов — что Жанаеву хотелось обратно, воевать. Не потому, что он любил воевать, просто знал: пока война не кончится, он не поедет к своей Сэсэг¹. А кончиться война может, если они победят. А для этого ему, Жанаеву, надо идти и воевать. Потому ему было хорошо, но хотелось поскорее вернуться на войну. Чтобы вернуться домой.

И Евграф Филиппович, ветеран Империалистической, тоже думал не вполне так, как предполагал молодой еще Семенов. Не любил Евграф Филиппович советскую власть, хотя и не сказать чтобы сильно от нее потерпел. Однако мыслей, чтоб не пустить сюда этих вояк или сдать их германцам, и в голову не пришло. Да и как сказать, сдать... Германцам?! Это ж дело такое, что красные али белые — это одно, а германцы — они всегда германцы! Свои, бывало, зверствовали и почище, да все одно: те — германцы... И все тут!

Потому мысли у Евграфа Филипповича были совсем другие — как бы уговорить этих крепких молодых мужиков не искать ходу до своих, а остаться тут. И работа, и защита, да и бабы, опять же, вон как смотрят... В этом Семенов, как крестьянин, угадал верно. Но и тут старик немного глядел иначе. Семенов ожидал подсознательно, что дед обратится к нему. Но для старика Семенов был не той фигурой — в знаках различия старый солдат разбирался неплохо и потому сразу решил для себя, что старший здесь — летчик. С ним и надо говорить. Но напрямую Евграф сказать все не решался — вон старшой-то их, из этих, что на еропланах летают, сидит себе молча, ни слова не говорит. Умный, значит, командир, хоть и молодой.

А с умным торопиться не след.

¹ Сэсэг — цветок (*бурят.*).

Да и помнил Евграф Филиппович насчет воинского долга и прочего: вспоминать не любил, но и не забудешь, что с иными за отказ воевать было. Потому решил отложить это на потом. Пока решил послушать, что заливает тут солдатик с городскими ухватками. И слушал.

Семенов тоже слушал и немного удивлялся тому, что его городской приятель в общем-то даже и не привирает. Что особенно удивило — в общем, простецкие ситуации в изложении языкастого черта Петрова становились красочнее и... впечатляюще, что ли. И первый налет ревущих дурниной самолетов, и бесконечное окапывание, и трупы на дорогах, и вонь горящей техники, и первый бой — все это становилось не просто обыденной жизнью сотни мужиков, а прямо кино каким-то. И тем более сам Семенов мог бы вспомнить особенно тяжелые моменты только какими-то кусками, словно смотрел в трубку. А Петров — гляди-ка — засек такие детали и нюансы, каких Семенов и не увидел. Вроде на одно смотрели, а видели разное. Да и рассказать бы все это так цветасто, как токарь, Семенов точно бы не смог. А если бы и изложил — получилось бы очень сухо и сдержанно. Да и не стал бы многое рассказывать, ни к чему. Ну вот, например, зачем говорить посторонним людям, что когда серо-синий немецкий танк остановился совсем близко и стал разворачивать башенку в сторону ячейки, где в этот момент Семенов судорожно пытался заменить пулеметный диск, но его заело и никак не получалось оторвать тяжеленный стальной блин — так вот: жизнь перед глазами не проносилась. А тоска свинцовая одолела, впору выть было от злости, когда коротенький ствол танковой пушки неудержимо накатывался черной дыркой прямо в живую душу пулеметчику. И Семенов оплошал, испугался и не нашел ничего лучшего, как присесть в своей тесной вертикальной ячейке, которая в тот момент показалась вертикальной могилкой. И даже на молитвы не хватило времени, когда над головой тошно и оглушающее жажнуло и по спине тяжело ударило, прерывая дыхание. Кому это важно и интересно? Только себя позорить. Семенов с неудовольствием вспомнил, как не мог разогнуться, и страшно стало, что так и будет медленно умирать на дне своей ячейки. Скрюченным, бессильным, нюхая до последнего момента оставшейся жизни кислую вонь сгоревшего пороха из наваленных на дне стреляных гильз. Не сразу понял, что это не позвоночник перебило, а просто свалился сверху сбитый взрывом покореженный пулемет. И кому это интересно? Да никому, и рассказывать такое стыдно и не нужно. Надо же — опыт-

ный обученный красноармеец, а не сообразил пулемет с собой захватить в ячейку, на бруствере бросил. У Петрова же все получалось картинно и героически, но при том не вызвало скуки, как высокопарные газетные статьи про героизм.

— Тут Габайдуллин нагреб гранат из ящика, свернул из них связку — четыре ручки в одну сторону, пятая — в другую, потом вторую такую же проводом обмотал — и как уж прямо скользнул в траву. Смотрю, а он уже около этого танка, рукой махнул — полетела связка. Да неудачно. Железяка эта довернула — и на него. А его, видать, взрывом уже повредило: смотрю — возится, да слабо так... Когда почти наехала — он так рукой еле-еле пошевелил, да вторую связку и сунул прямо под гусеницу. Как долбануло! Габайдуллина отшвырнуло метров на пять, а гусеницу порвало, аж траки в разные стороны полетели, причем здоровенное колесо ведущее в щепки разнесло! Колесо в половину человеческого роста, огромное — а вдрызг снесло. Напрочь! Танк перекосило, стрелять перестал, а наш взводный это увидел и орет: «Раз назад нам нельзя — а ну все вперед, кто меня слышит! За мной!» Ну и кто живой был — поднялись и за ним...

— Страсти-то какие... — ужаснулась соседка Лехи, зазывно на него поглядывая.

— Не могли гранаты так железное колесо разнести, — твердо и уверенно сказал Евграф Филиппович. Не то чтобы осадить говоруна-рассказчика захотел, а скорее для порядку. Чтобы не очень заливал тут бабенкам. Танк с деревянными колесами, как же. Тут хотя и деревня, а про танки наслышаны.

Петров осекся на полуслове. С одной стороны, Семенов порадовался, что вот опять горожанина в лужу посадили, с другой — нехорошо получалось, все-таки токарь — сослуживец и товарищ, а его раз — и срезали. Тем более что Семенов сам-то не видел, как Габайдуллин танк подбил, но когда этот самый Петров выдернул его за шкуру из ячейки и поволок в атаку, то и порванный труп Габайдуллина и перекосившийся танк — без переднего здоровенного колеса, кстати, — сам своими глазами Семенов видел. Но вот разлетелось ли колесо в щепки — этого он сказать не мог.

Совершенно неожиданно на выручку токарю пришел потомок: он решительно допил самогон из стакана и, косясь на глядящую обожающим взглядом соседку, твердым, хотя и немного гнусавым голосом отчеканил:

— Если это был французский танк «Рено ФТ-17» или, как его называли немцы, «Панцеркампфваген 18 эр 730 эф», то

вполне возможно, что ведущее колесо разлетелось в щепки — на ряде машин оно было из дерева с обтяжкой железом. Несмотря на противоположную броню, танк превосходил ряд образцов немецких панцерваффе и потому использовался в количестве нескольких сотен штук.

— Кхм! — внятно сказал Семенов.

Потомок уловил намек и заткнулся. Он, честно говоря, и сам не понял, что это вдруг его понесло вспоминать случайно прочитанное на форуме игры «Ворлд оф танкс». Не иначе самого да еще упругое круглое бедро соседки, которым она то и дело словно случайно касалась его ноги.

— Вот он как раз и был, — с места в карьер продолжил свое повествование Петров. А Евграф Филиппович неожиданно спросил:

— А вы, значит, в том бою не вместе бились?

— Откуда! Мы же пехота — царица полей, а он — залетный, — несколько с намеком ляпнул Петров.

— Понятно, понятно, — успокоился Евграф Филиппович. Для него это было как раз хорошо: раз артель сбродная — значит, уговорить остаться их будет проще.

— А как так вышло, что танк французский, а за немцев? — по-прежнему зазывно поглядывая на образованного соседа, волнуящим голосом спросила прижавшаяся бедром к Лехиной ноге женщина.

— Это-то понятно, — отозвался Евграф Филиппович, — Франции сейчас нет, а все ее добро германцам в наследство досталось. Да и от других стран тоже добра, мусить, перепало немало. Европа ж!

Петров кивнул и продолжил заливаться: как они по лощинке выскочили прямо на нескольких немцев и свалили их стрельбой в упор и штыками, а потом их героический взводный сунулся лицом в траву, и его пришлось тащить с собой, тяжело раненого. Но вот — сумели оторваться. И теперь они тут.

Другая из сидевших за столом женщин, пожилая, спросила — и Семенов понял, хотя язык и не был привычным русским, — куда делся взводный, а после разъяснений взгрустнула и предложила выпить за упокой души всех павших. После этого уже Семёнова сильно разморило, и он кивнул своим товарищам, что пора бы и честь знать. Застолье закончилось, поблагодарили радушных хозяев и отправились на боковую — на сеновал.

И даже не караулили этой ночью, расслабились.